

ЗАПИСИ О ЧЕХОВЕ В ДНЕВНИКАХ Б. А. ЛАЗАРЕВСКОГО

Предисловие и публикация Н. И. Гитович

Борис Александрович *Лазаревский* (1871—1936) — писатель-беллетрист. Печататься начал в 1894 г. в газете «Киевлянин». Первая книга его рассказов, «Забытые люди», была издана в Одессе в 1899 г., вторая — «Повести и рассказы» — в Москве в 1903 г. Лазаревский сотрудничал в «Журнале для всех», «Ниве», «Русском богатстве», и других периодических изданиях. В 1906—1908 гг. вышли еще две книги его «Повестей и рассказов», в 1913—1914 гг. собрание сочинений в семи томах и позднее еще 9 книг рассказов. В 1920 г. Лазаревский эмигрировал за границу. В Константинополе, Берлине и Париже издано пять его новых книг.

До конца жизни Лазаревский вел дневники. «...Иногда думается, — писал он, — что самое важное, что я сделал и написал, — это мои дневники с фотографическими и карандашными иллюстрациями, которые я веду с 1886 года» (Автобиография. — ЦГАЛИ, ф. 278, оп. 1, ед. хр. 10, л. 6). В дневниках — записи о встречах с Л. Н. Толстым, А. П. Чеховым, М. Горьким, В. Г. Короленко, А. И. Куприным, Л. Н. Андреевым, В. Э. Мейерхольдом и др. В них вклеены газетные вырезки, главным образом рецензии на сочинения Лазаревского и сочинения писателей-современников, а также наиболее интересные письма к нему.

Как сказано в некрологе («Последние известия», Париж, 1936, 25 сентября), после его смерти осталось до 60 объемистых томов дневников.

Уезжая за границу, Лазаревский оставил их на родине. Они находились у доктора Н. П. Студенцова, у коллекционера Э. П. Юргенсона, у И. П. Чехова (который передал их Книппер-Чеховой), у Ф. Ф. Фидлера, у А. А. Шахматова.

В настоящее время эти дневники хранятся в государственных архивах: за 1889—1899 гг. — в ГПБ; за 1900—1902 гг. — в ГБЛ; за 1903—1904, 1907—1908 и 1910 гг. — в ЦГАЛИ; за 1892, 1905—1906, 1909 и 1911—1917 гг. — в ИРЛИ.

Из дневников, которые Лазаревский вел в эмиграции, известна судьба двух тетрадей с записями, сделанными в 1925 и 1928—1929 гг. Они были найдены в 1945 г. советскими поэтами И. И. Гончаренко и Б. А. Слуцким в румынском городе Крайова среди кипы русских книг, награбленных фашистскими оккупантами в публичных и частных библиотеках (см.: «Радуга», Киев, 1966, кн. 4).

Юрист по образованию — Лазаревский по окончании Киевского университета служил несколько лет секретарем и следователем Военно-морского суда в Севастополе. В эти годы (1899—1903) он часто бывал в Ялте, где навещал Чехова. Из писем Чехова к О. Л. Книппер и из воспоминаний доктора И. Н. Альтшуллера мы знаем, как тяготили писателя в последние годы жизни частые посещения Лазаревского. Но из деликатности он никак не показывал этого и иногда подолгу беседовал с ним.

Разговоры с Чеховым Лазаревский часто записывал тут же, в Ялте. Достоверность их не вызывает сомнений. В письме к В. С. Миролюбову от 29 июля 1904 г. Лазаревский писал: «Я веду дневники, и в них записан каждый разговор с Чеховым детально»; «...за шесть лет я каждый раз записывал с фотографической точностью все, что говорил и делал Антон Павлович, и все, что говорилось и делалось возле него другими в этот день», — повторил он в письме от 27 ноября 1904 г. (ИРЛИ, ф. 185, № 700).

К сожалению, отсутствуют записи, сделанные после марта 1902 г. и до ноября 1903 г. Как видно из дневника, одну тетрадь украли у Лазаревского в Ростове н/Д, куда он поехал после посещения Толстого в Ясной Поляне. Записи о разговоре с Толстым о Чехове (3 сентября 1903 г.) Лазаревский затем восстановил по оставшимся у него запискам, сделанным на отдельных листках.

Во все годы знакомства с Чеховым Лазаревский переписывался с ним. В архиве Чехова (ГБЛ и ЦГАЛИ) находятся 92 письма Лазаревского. Из писем Чехова к нему сохранилось только четырнадцать (опубликованы в *ЛССП*, т. XVIII—XX).

Воспоминания Лазаревского о Чехове напечатаны (в разных вариантах): «Журнал для всех» (1905, № 7), «Биржевые ведомости» (1906, 17 января), в кн. Лазаревского «Повести и рассказы», т. 2 (М., 1906), «Русская мысль» (1906, № 11), газ. «Свободные мысли» (1907, 2 июля), «Новый журнал для всех» (1909, № 9), «Ежемесячный журнал науки и общественной жизни» (1914, № 7). В газете «Одесские новости» (1910, 23 января) напечатан ответ Лазаревского на анкету газеты, озаглавленный им «Думы о Чехове».

Ниже печатаются, за небольшими исключениями, записи Лазаревского о встречах и разговорах с Чеховым из дневников за 1899—1903 гг., а также некоторые позднейшие записи, относящиеся к Чехову, из дневников за 1904, 1906, 1908 и 1910 гг.

Пропуски внутри приводимых записей обозначаются знаком <...>. Пропуски между записями не отмечаются.

Письма Лазаревского к Чехову, которые цитируются в примечаниях, хранятся в ГБЛ (ф. 331. 49. 29).

1899

2 сентября. Завтра пойду искать Чехова. Что будет — не знаю. Живет он на своей даче в верхней Аутке.

4 сентября. Мы взяли извозчика и поехали на гору. Не доезжая до дачи Чехова в Аутке, я посоветовал Н. Н. вернуться, а сам пошел пешком, до дачи А. П. оставалось не более десяти саженей. Прошел, вижу строится дача двухэтажная, еще и окна не вставлены. В небольшом дворе работают не то турки, не то татары в фесках.

Спрашиваю «Чья дача?» — «Чехова». — «А сам он дома?» — «Дома». — «А куда же к нему пройти?» — «А вон», — и показали на флигелек, тоже еще не отделанный, но уже со вставленными окнами и крапеным полом. Я поднялся по небольшому крылечку и вошел в комнату. Все по-студенчески, неустроено еще. Чемоданы стоят, столик небольшой письменный и другой, круглый. Масса газет и книг. На круглом столике лежала моя книжка, раскрытая и заложенная на середине «Маленькой истории».

— Здравствуйте.

Антон Павлович вопросительно и строго посмотрел на меня.

— Я Лазаревский, — сказал я.

— А, — и его лицо сейчас же разошлось в ласковую, приветливую улыбку. — А я только что читал вашу книжку... Ну можно ли было так убиваться из-за того, что в «Крымском вестнике» там какой-то написал эту статью¹. Мало ли какой чепухи о нас не пишут! Ведь это пустяки, нельзя же на это в самом деле обращать внимание!.. А вы разве не на железной дороге служите?

— Нет. — И я объяснил, какое имею отношение к железной дороге².

— Ага. Ваши рассказы как рассказы, беллетристика как беллетристика. Белов у вас замечательно хорошо очерченный тип. Это действительно существующий тип?

— Да.

— Очень, очень хорошо очерчен. Ну а таких, как Кубович³, много. Это постоянно встречающийся тип. Затем вы сделали страшную ошибку, что издались в провинции. Нельзя этого делать. Так и останетесь незамеченным. Нужно непременно в столице издавать. И для рецензии так зря нельзя посылать. Ведь вы знаете, как в редакциях. Придет какая-нибудь барышня редакционная, увидит хорошенькую книжку, спрячет ее в карман

и уйдет. Вот вам и рецензия! Вы пошлите в «Жизнь» — Горькому. А знаете, когда будете посылать в журнал, то не посылайте, пока я не буду в Москве. Вы уроженец какой губернии?

— Я родился в Полтаве, а жил всю юность в Черниговской, Конотопского уезда, на границе с Полтавской.

— Это и видно. Во всех рассказах это проглядывает, так и слышится. Я тоже южанин и ужасно люблю море, так как родился хоть и над паршивеньким, но морем.

— Ну, А. П., может, вам нужно идти?

— Да, сейчас пойду. У нас сегодня обед, на котором будет Максимов. Мы пишем с ним адрес (куда и какой — я почему-то не спросил) ⁴.

— Мустафа! — позвал Антон Павлович одного из своих турок. А. П. выговорил «Мустяфа». На зов пришел высокий турок в феске ⁵.

— На, чисти, — сказал А. П., подавая ему пиджак.

— Отчего вы произнесли с их акцентом «Мустяфа»?

— А так всегда говорят с инородцами, я ему иногда говорю вместо «Иди на почту» — «Ходил на почта» <...>

Мы вышли и стали спускаться среди татарских хаток в город. На небе ходили тучи.

Я сказал, что вся Ялта представляется мне «гнилой магнолией», что люди здесь живут слишком богатые и счастливые, но порочные и развратные, с гнилью.

— Нет, здесь много несчастных, больных. Здесь тяжело жить многим.

— Вы, А. П., все-таки один из счастливейших.

— Почему?

— Все у вас есть, богатство и известность, можете сказать себе: «Достиг я высшей власти».

— Какое же у меня богатство? Кроме того, я не могу даже жить там, где хочу, а должен жить здесь благодаря своему здоровью. Здесь счастья и счастливых мало, это только кажется так.

Только мы вышли в город, как вдруг разразился страшнейший ливень. Чехов раскрыл зонтик, но он плохо закрывал от дождя и его и меня. Пришлось встать около «стрихи» *. Обождав минут пять, мы пошли через городской сад в книжный магазин. Я забыл чей он **. Здесь А. П. чувствовал себя как дома. Между прочим, он спросил человека, стоявшего за прилавком: «А что у вас нет еще рассказов Лазаревского?» — «Нет, еще нет». Здесь А. П. записал мой адрес и обещал прийти, когда будет в Севастополе.

Мы условились, что если А. П. успеет после своего обеда прийти к четверем часам в этот же книжный магазин, то поедем с ним на эскадру. Но к четверем часам его не было.

Общее впечатление было чудное; я никак не ожидал, что он так ласково меня примет, и все боялся, не надоед ли я ему.

3 октября. Сегодня получил от А. П. Чехова его чудный фотографический портрет с автографом и письмо, приложенное здесь... Если бы я сам не видел, в каком виде его дача, я бы, пожалуй, подумал, что ему лень писать мне... ⁶ Да и в самом деле, мы раз виделись!

24 октября. Если получу от Носа деньги, поеду в Ялту хоть на один день к Чехову... Вероятно, после сегодняшнего моего письма он подумает, что у меня в голове не совсем ладно. В этом письме лучшее — виньетка, но написать ему мне ужасно хотелось ⁷. Я люблю его очень — это настоящий художник. Россия рано или поздно поймет, что он не меньше Тургенева будет — русский Мопассан.

* застрехи (укр.).

** Позднее вписано: Синани.

ДНЕВНИК Б. А. ЛАЗАРЕВСКОГО ЗА 1900—1901 ГОДЫ

Титульный лист. Автограф.

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

29 ноября. В 10 часов утра я опять катил, т. е. виноват, на этот раз плелся пешком в гору к А. П. Его застал за работой, но не литературной, — он рассылал воззвания к людям, имеющим карманы, с просьбой пожертвовать деньги для «санатория» убогим актерам и людям искусства¹⁴. На этот раз разговор был гораздо интереснее.

— Прежде всего, что вы теперь пишете? — спросил он меня. Я рассказал содержание «Наташи».

— Ага, так. Только вот что: слово «туберкулин» вы непременно замените, а то через 5—10 лет ведь оно делается совершенно неизвестным. Вы знаете, я в Воронеже смотрел свой водевиль «Медведь» и от слова «турнюр» просто в ужас пришел и в новом издании сейчас же его и вычеркнул¹⁵.

Потом заговорили о Мельшине. Я выразил свою несимпатию к этому автору за излишнюю тенденциозность <...>

— Что же делать? — сказал А. П., — нельзя требовать от человека, который в каторге так долго пробыл, беспристрастия при оценке даже и невольных своих мучителей, трудно ему отрешиться от ненависти к «бравому штабс-капитану»¹⁶. <...>

Чехов для «Жизни» приготовил уже рассказ, пойдет он в январской книжке. Другой рассказ лежал начатый на столе. Я попросил его показать, как он пишет, много ли перечеркивает. Он показал. То же, что и у меня в работе и, я думаю, у всех пишущих. Мне запомнилась только одна фраза: «Херес был кисловатый и отдавал сургучом»¹⁷. Когда-нибудь

я увижу ее в печати. Как называется эта новая вещь, я не спросил принципиально, так как и Чехов и я одного мнения, что заглавие — последнее дело.

〈...〉 А. П. попросил меня дать несколько адресов лиц, которые могли бы что-нибудь пожертвовать на санаторию. Я сел за его письменный стол и написал адреса: А. В. Лазаревского (пускай ^{<1 нрзб.>} раскошеливается), А. М. Лазаревского (папы), М. И. Мартос, Ив. Ив. Балаклеева, К. Ф. Кулябко и еще нескольких — не помню.

— Ах, знаете, скверная новость, — сказал А. П. 〈...〉

— А что такое?

— Последние известия, что Толстому хуже, умрет, должно быть ¹⁸. Ведь такая он каланча в искусстве был, такой колосс! Знаете, право, есть люди, которые бояться делать пакости только потому, что жив Толстой еще. Да, право же!

Когда мы остались одни, Чехов стал жаловаться на тоску...

— За границу бы.

— Ну и удирайте и мамашу с собой берите.

— Нуда, возиться там с ней. То у нее зубы болят, то она плачет, тоскует по родным местам.

— Работается, значит, плохо?

— Ну, конечно, плохо!

— Понимаю вас, филантропической деятельности мешает литературная, а литературной — филантропическая. Значит, ни богу, ни Мамоне.

— Ну да, в этом все.

Очень меня порадовало и заинтересовало мнение Чехова о Горьком:

— Большой поэт! громаднейший талант!

— Немного рисуется своим прошлым, — сказал я.

— Это есть, есть, да пускай его, это даже идет к нему.

11 декабря. Я познакомился с Карабчевским ¹⁹, передав ему поклон от А. П. Чехова, как сей последний просил меня еще в Ялте.

Кстати, теперь, вспоминая иногда часы, проведенные в обществе Чехова, я считаю нужным записать многие ускользнувшие в свое время из головы мелочи из разговоров с ним. Имеют значение эти мелочи потому, что с такими людьми, как Чехов, судьба сводит не так часто. Помню, например, как, когда мы спускались в этот мой приезд в Ялту с горы в город, Чехов сказал:

— Помните и прошлый раз, когда мы шли с вами здесь, шел дождь.

Я мотнул головой и добавил:

— Вот здесь, под этой стрихой, и стояли еще, впрочем, у меня это записано.

— Зачем? — спросил Чехов.

— Да так, я с тринадцати лет записываю почти все, привычка образовалась.

— Толстой, так тот каждый день все записывает, — ответил А. П. и зашагал быстрее, так как дождь усиливался 〈...〉

Когда мы заговорили с ним о процессе Дрейфуса, А. П. сказал:

— 〈...〉 Если бы дело Дрейфуса было несправое, то такой человек, как Золя, не вступился бы. Я как раз в это время был во Франции и там вся интеллигенция была на стороне этого дела ²⁰.

Потом А. П. спросил меня, что я намерен делать с собою потом. Я ответил в том смысле, что служба для меня не составляет особой приманки, а главное — писательство.

— Ну, а если это писательство вам когда-нибудь надоест? 〈...〉

— Ну вряд ли, вам же оно не надоело?

— Ой, как надоело, опротивело.

Я усумнился.

— Да, да, опротивело, — подтвердил А. П., — я не писатель — я врач.

— Ну, какой вы врач?

— Нет, врач...

1900

5 января. <...> В Ялту пришли во время <...>, пошел к А. П. Его я застал в кабинете, по обыкновению работающим. Он был веселее обыкновенного.

<...> я заметил новость — на камине была написана масляными красками картина, длиненькая, в декадентском вкусе. Изображает она копы сена в лунную полночь.

— Ах, какая прелесть! — сказал я.

— Это Левитан написал ²¹.

Действительно, от картины просто-таки мокрым сеном пахнет.

<...> Потом я дал А. П. новую свою повесть ²², трепеща и мучась за его мнение, которое, вероятно, узнаю дней через десять.

А. П. взял тетрадку.

— А из вас писателя не будет.

Я вопросительно посмотрел на него.

— Вы мало пишете. Разве так можно?.. Нужно страх сколько писать.

Я много, много писал.

<...> Чехов подарил мне оттиск «Дамы с собачкой» с собственноручной надписью ²³. <...>

Новороссийск, 9 часов вечера. <...> После обеда я с помощниками капитана забрались в курительную, с нами еще молодой ветеринар Горовой, и читали поочередно «Даму с собачкой» А. П. Чехова. Я был убежден, что им сначала не понравится. Но очень понравилось всем ²⁴.

21 января. <...> Пятнадцатого января в четыре утра наш пароход «Пушкин» был уже в Ялте. Еще не светало. Я походил по кают-компании и опять заснул, проснулся около 7 часов утра и размышлял, ехать ли мне к Чехову или нет. Пошел в агентство и по телефону соединился с Чеховым. Сейчас же услышал его бас...

— А. П., боюсь ехать к вам, могу опоздать на пароход, а остаться в Ялте не могу.

— Почему вы не можете остаться в Ялте?

— Денег нет.

— А... так вот что, может быть, я сам приеду на пароход.

— Да, а впрочем, может, я успею, а назад вместе поедem <...>

Беру извозчика и сломя голову мчусь. Одна лошадь больше, другая меньше, это замедляет.

Наконец чеховская дача. Подойти к ней трудно — грязь невылазная. Его я застал в столовой с матерью, пьющими чай. <...>

— Ну садитесь... Да, что вам сказать о вашей повести. Начало плохо, в том смысле, что лишнего много. Дилетантизм чувствуется. Дальше лучше, а конец совсем по-юношески, уже сила и страсть слышны в нем очень хорошо.

— Так можно посылать?

— Куда?

— В «Жизнь».

— Конечно, можно, только непременно еще раз и непременно собственноручно перепишите.

— Времени мало.

— Ну, это необходимо. А вот что, вы вообще мало пишете. Нужно больше, больше писать. Мы с Потапенкой ужас сколько писали в ваши годы. Бумаги бы не хватило всего напечатать. Страх как много нужно

писать. К тридцати летам обязательно нужно определиться. Всегда все к этому времени определялись. Исключение составляет только Сервантес. Да и невозможно ему было раньше писать, а потом тоже очень трудно было писать в тюрьме.

— Да, да... Знаете, как нужно, чтобы была написана хорошая повесть. Ничего лишнего не должно быть. Вот вы знаете, как на военном судне, — ничего лишнего, — так и в хорошем рассказе.

Дальше я рассказал А. П. о включенной выше газетной заметке по поводу Буренина и Потапенко²⁵. Он очень заинтересовался. Буренина он, видимо, не любит.

— Как это Буренин еще к Толстому не прицепился? — сказал я.

— О, он его боится, ужасно боится.

Потом А. П. встал и пошел в кабинет написать письмо И. Н. Потапенко по поводу этой статьи²⁶. <...>

Спрашивал он меня еще о деле на «Уральце»²⁷. Я сказал, что никого не привлек.

— Так и надо.

6 февраля. <...> Получил я на днях письмо от А. П. Чехова, по обычаю короткое, но ласковое. Утешает, что «желтуха болезнь пустая». Пишет, что напишет в «Жизнь» по поводу моей повести «На уроке», хотя я и не просил его об этом!²⁸

1 марта <...> Вчера я получил чудное письмо от А. П. Чехова. Он пишет о «Машинисте»: «Это лучшее, что вы до сих пор написали». Затем он делает довольно подробный анализ техники. «Силенка» он называет «милым». Заканчивается письмо фразой: «Если бы я был редактором «Жизни», я бы всегда принял этот рассказ». Я обрадовался, и как не радоваться, если такой большой человек земли русской, как Чехов, сказал свое слово веское о моих работах, ведь мне по этому поводу так редко приходилось что бы то ни было слышать о себе <...>²⁹

11 апреля <...> Два-три дня назад я получил от Чехова письмо, в котором он пишет, что папки, нарисованные ему мною, очень понравились и что в Севастополе будет он не ранее мая...³⁰ Вдруг сегодня узнаю у Чулкова (наш будущий кандидат, человек из ряда вон безусловно выделяющийся), что вчера на «Дяде Ване» был автор, его вызывали, и он, стесняясь и неумело (был выведен), на сцене раскланивался³¹. Спадало пенсне. Я отправился в театр, чтобы взять билеты. Смотрю, на лавочке сидит Чехов. Он, вероятно, почувствовал мой взгляд и, прищурившись, взглянул на меня, поздоровались. Обычный вопрос:

— Что нового?..

<...> Я пошел и взял два билета по 3.20 на «Чайку», потом опять вернулся.

Чехов спросил меня, был ли я вчера. К стыду, пришлось ответить отрицательно, но причина была жестоко уважительная — не было денег.

— А сегодня идете?

— На что?

— На гауптмановских «Одиноких».

— Нет. Не по средствам. Я и так 7 р. на «Чайку» затратил.

— Ну что «Чайка». Нужно, чтобы вы пошли на «Одиноких». Как бы это устроить?.. Вы не видали Немировича-Данченко?

— Нет.

Пошли искать. Я говорю:

— Вон что-то в цилиндре с баками ходит. Оно?

— Оно самое.

— Есть у тебя один билет для меня лично? — спросил Чехов.

— Для тебя лично?

— Ну да, для меня.

Б. А. ЛАЗАРЕВСКИЙ

Фотография, 1901—1902. Вклеена
в дневник Лазаревского
за 1901—1902 годы

Библиотека СССР им. В. И. Ленина,
Москва

Немирович-Данченко покрутился, потом сбегал в кассу и, наконец, принес билет.

— Ну вот вам, — передал его мне А. П.

Начались «Одинокие» Гауптмана. Не могу... не мое амплуа быть рецензентом. Но никогда я еще не был так потрясен сценой. Что-то необычайное. Героиня — Андреева-Желябужская. Потрясающе хорошо провела свою роль. Да и сама она потрясающе хороша! Сильное впечатление произвел на меня и Мейерхольд, (на сцене) ее муж³². <...>

В антрактах я был или за сценой с Чеховым, или разговаривал с знакомыми. Пшерадский и Воеводский дали такие рецензии... — чисто прокурорские и следовательские, а вернее, чиновничьи. Не стоит о них и вспоминать. По поводу их я Чехову сказал:

— Знаете, мне вспомнились ваши слова: «И зачем вы с ними говорите о таких вещах!» — Да и да.

Пятого акта я досидеть не мог. Я боялся, что этот акт меня добьет и чего доброго я разнервничаюсь вконец. Актриса Книппер стала мне противна своей ролью³³ так, что казалось, если бы я с нею познакомился в жизни, то и тут она осталась бы такою же противной.

Я и этим поделился с Чеховым.

12 апреля. <...> Вечером я попал опять в театр, благодаря тому же милому А. П. Чехову.

Когда он меня представляет кому-нибудь, то к фамилии всегда присоединяет слово «литератор», и мне от этого и радостно и больно. <...>

24 апреля. По обыкновению очень много пропущено, приходится записывать кратко. Я не записал ничего о «Чайке». Пьеса вся меня не так заинтересовала, как отдельные лица ее, особенно Тригорин — это и Чехов, и я, и всякий пишущий. «Если по небу плывет облако, похожее на роуль, то я думаю, что вот в каком-нибудь рассказе это нужно поместить».

В конце пятого акта я думал удариться в бегство, не желая присутствовать при «застрелении», но в проходе партера, в самом его конце, меня остановил автор «Чайки».

— Куда?

— Да думал уйти.

— Ну что вы...

Я и остался. Были и овации. Читали адрес от публики ³⁴.

29 июня. Ялта <...> В три часа пришли в Ялту. Прошелся по набережной! По афишам увидел, что назначено большое гулянье и лотерея-аллегри в пользу недостаточных легочных больных. Во главе этого общества стоит А. П. Чехов <...> Вечером я отправился в городской сад. Гулянье едва начиналось. Народ был, но еще мало. Проходя по одной из аллей, я увидел сидевшего одиноко на лавочке Чехова и поздоровался с ним.

— Вы каким образом?

— А так. Было очень скучно и много работы, захотелось освежиться, вот и приехал.

Потом я спросил его, сердит ли он на меня за письмо, которое О. Белецкая вздумала передавать — пересылать через него.

— Да полноте. Что вы. Пустяки какие. Никогда и ни за что я не был на вас сердит. Если бы был сердит, то написал бы.

Каждую его фразу я помню дословно и даже тембр его баса.

На душе у меня посветлело, а то было тяжело и мрачно. Ух, как мрачно!

— Здесь Желябужская и Книппер, — сказал Чехов.

Я удивился и обрадовался, что увижу этих двух необыкновенно милых женщин.

Мы прошли к одному из лотерейных колес. Тут была уже толпа. Я поздоровался с М. Ф. Желябужской. Так же хороша. Взял несколько билетов. Все оказались пустыми. <...>

На главной аллее был сервирован чайный буфет. Сидели за ним дамы, в числе их Книппер и Мария Павловна Чехова, которую я по первому абцугу не узнал. Я спросил себе чаю и прислушивался к разговорам. Чехов присел за Книппер и выглядывал оттуда. Одет он был, не в пример Горькому, положительно франтом. Запонки золотые, желтые ботинки, пиджак, пальто, — все это самое элегантное. Через несколько времени к столу подошла и Желябужская. Она утомилась, стоя у рулетки. И как только она подошла, у меня сейчас же мелькнула мысль, что Чехов к ней чувствует больше чем обыкновенную симпатию. Я боялся надоесть Чехову и поэтому только наблюдал, не вступая в разговоры.

— Что это, право, у вас ленты на шляпах, — сказал он, обращаясь к Марии Павловне, — точно растопыренные пальцы, — и показал рукою, как именно растопырены пальцы.

Потом мы еще раз прошли с ним по дорожкам, и я пожаловался, что из «Жизни» мне лично до сих пор ничего не отвечают.

— Ну это что же, летнее время, коли мне вот до сих пор ничего не отвечают...

Я разъяснил, что не только не отвечают, но даже не уведомили, что не принят рассказ, и Никонов сообщает, что его передали уже в «Северный курьер» ³⁵.

— Вот вам и обнадежили. Просто рассказ ни к черту не годится.

— Этого не может быть, что-нибудь да не так. Я сам спрошу Поссе. Что-то не так...

11 июля (Запись за 30 июня). <...> в начале 3-го часа поехал к Чехову. Немного пришлось обождать. Я сидел на веранде и пересматривал журналы. Ко мне подошла и стала ластиться белая собачка шпиц. Минуты через

две послышалось, как на лестнице кто-то насвистывает и твердо ступает, и завиднелся Чехов.

〈...〉 В кабинете мне бросилась в глаза начатая и, вероятно, оконченная, потому что на ней уже было заглавие, рукопись «Калека»³⁶. Разговор начался с того, что Чехов заметил мне о моем неправильном произношении с малорусским акцентом. Я постарался ему объяснить, что это не совсем так. Выговор-то у меня действительно с сильным акцентом, но в данном случае неправильность и негладкость речи происходит от того, что я с ним. Когда близко видишь человека, которого давно не видал и которого любишь, то боишься быть сентиментальным, язык заплетается и несешь черт знает что вместо ровных, осмысленных фраз.

Я сказал ему о водевиле, который пишу теперь, — «Злодей»...

— Ну и напрасно, испортите только себе и слог и время даром потратите.

Заговорили об Андреевой-Желябужской.

— Да, это замечательная женщина, — сказал задумчиво А. П., и мне опять показалось, что для его сердца она близка.

Я спросил, как достать ее карточку.

— Поехать к ней да и попросить, она даст.

Так я потом и сделал.

В это время пришла гостящая у Чеховых барышня звать пить чай. Мы несколько минут посидели, потом спустились вниз в столовую, по элегантной дубовой лестнице. Из столовой дверь выходит и на веранду и в сад. Скоро пришла Мария Павловна, задумчивая и грустная и, как она сама сказала, немного больная. Потом мамаша, которая всегда молчит и почему-то удивительно симпатична, и наконец Иван Павлович из Гурзуфа с фотографическим аппаратом. Через несколько минут вошла и О. Л. Книппер, мы поздоровались, не будучи представленными, потому что еще из Севастополя знали друг друга.

Я сказал, вот все молчат, потому что есть посторонний, — я.

— Нет, у нас всегда так, теперь хоть что-нибудь говорим, а то и совсем ничего, — сказал А. П.

Впрочем, сейчас же зашел разговор об «Эде Габлер».

Я сказал, что понимаю всякую месть со стороны оскорбленной женщины, — ну можно избить, облить серной кислотой, выколоть глаза, но сжечь неизданную рукопись — это уже подлость...

— Да, а иметь рукопись большого, серьезного произведения в одном экземпляре, разве это не подлость? — сказал А. П.

Я засмеялся.

— Да, пожалуй, вы и правы. Ведь автор никогда не имеет рукописи в одном экземпляре.

Потом все куда-то разошлись. Остались я и Мария Павловна. 〈...〉 Я сказал, что хочу достать фотографию Желябужской.

— Вот, значит, еще есть поклонник. И что в ней находят, право! Ведь играет она совсем уже не так особенно. Не правится мне она. Она у нас часто бывает. Вот О. Л. Книппер, это другое дело, это прелесть что за человек и какая большая артистка! Как я люблю ее! Это мой лучший друг.

Я слушал Марию Павловну, и она мне была страшно симпатична. Любит она действительно и Ольгу Леонардовну, должно быть, сильно, и Антошу и чует, может быть, для него врага в этой Желябужской. Я стал расспрашивать Марию Павловну о Хотяинцевой, с которой мне так хочется познакомиться.

— Она большая насмешница, но очень талантлива.

Потом Мария Павловна рассказала о том, как она пришла в отчаяние, когда за неимением вакансий ей не удалось первый раз поступить в Мо-

сковское училище живописи и ваяния и как она была счастлива, когда поступила ³⁷. Я никогда не забуду Марию Павловну. Бесконечно хорошее есть в ней что-то.

⟨...⟩ мы с Чеховым ушли к нему в кабинет, где заговорились серьезно и долго. О Гаршине. О Мопассане. О моем «печальном человеке». О суде. Еще и еще о Желябужской. О браке. О мужьях. Об «Одиноких» и об «Эде Габлер». О Толстом.

18 июля. Киев. ⟨...⟩

Разговоры с А. П. Чеховым

Улучив более или менее свободный вечер, хочу дописать о Чехове. Сидя в кабинете, мы перебрали много тем. Я слушал, ловил каждое слово. А. П. не считает Гаршина серьезным или особенно даровитым писателем.

— «Записки рядового Иванова» — это хорошая вещь, а все остальное, и в особенности «Художники», — это наивные вещи, — вот, что он сказал. — Теперь к писателю предъявляются гораздо более серьезные требования и сделаться известным слишком трудно. Мопассан взял мировую славу и известность, и все остальное в этом роде кажется публике уже повторением, и уже слабым повторением.

Стали мы говорить о браке.

— Хороший муж или дурной муж данный человек, сказать трудно и невозможно — это «тайна», — сказал А. П. Меня поразила верность этого суждения. Я молчал ³⁸.

— И я лично, когда бывал мужем, то бывал и хорошим мужем и дурным мужем, — добавил он потом.

⟨...⟩ Заговорили о красоте женщин. «К красоте быстро привыкаешь», — произнес А. П. и, облокотившись на спинку дивана, задумался.

⟨...⟩ Стали говорить об «Эде Габлер» и «Одиноких» снова. Я все удивлялся, почему Воеводскому и Пшерадскому «Эда» нравится больше, а «Одиноких» они называют чепухой (ведь интеллигенты же они все-таки).

— Почему? — переспросил Чехов, — да потому, что ваши эти чиновники живут еще в 30-х годах, просто несовременные они люди...

Потом А. П. долго меня расспрашивал о нашем военном суде.

⟨...⟩ Мы стояли на балконе в саду. Садик самый небольшой, но изящный. В нем ходит журавль. Это добрая, симпатичная птица.

Наконец прояснилось. А. П. оделся, попрощались с М. П. и вышли в город.

Я рассказал, что получил от секретаря Л. Н. Толстого (какого-то С. С.) письмо о том, что Толстой находит мои рассказы написанными хорошо ³⁹. И только вам я об этом говорю. Я добавил, как гнетет меня сознание того, что книжка была издана глупо, что там мало рассказов и что нужно переиздаться.

— Обождите года три.

— Поки сонце зійде, роса очі виїсть.

— Это пустяки. Мы не так с Горьким в свое время мучались... Вы что? Вы аристократ перед нами. Вот сразу в толстые журналы хотите попасть, а мы?.. Да вы себе и представить не можете всего пережитого нами, всех нравственных страданий. Вы образование получили, у вас жена — любящая, прекрасная женщина, а у Горького ничего, ничего этого не было, да и у меня, кроме образования, ничего. Прежде чем так жить, как мы живем теперь, сколько пришлось перемучиться...

Дошли до какой-то очень красивой и высокой дачи. На веранде стояла О. Л. Книппер и кивала головой. А. П. распрощался со мной. Милый, дорогой мой писатель-человек!

А. П. ЧЕХОВ

Фотография с пометой Чехова на обороте: «Ницца 24 янв(аря) 1901 г.»

Послана Чеховым О. Л. Книппер в письме от 24 января 1901 г.

Библиотека СССР им. В. И. Ленина,
Москва

Ницца
24 Янв. 1901 г.

6 сентября. <...> Написал я А. П. Ч. большое письмо⁴⁰, а ответа все нет, и это досадно и мучительно. Ведь не так часто я надоедаю ему моими письмами.

16 сентября. <...> Ответ от А. П. Чехова я уже получил, как и всегда краткий, ясный, теплый, простой⁴¹.

12 ноября <...> слышал, будто Чехов женился... Не верю. А впрочем, на Андреевой разве. Нет, не может быть. Книппер разве?⁴² <...>

16 ноября. Вчера вечером мой двоюродный брат Ленья Лагунский поспорил со своей мамой. Ссора была тяжелая, со взаимными колкостями и взволновала меня. Тем не менее я наслаждался этой ссорой. Это была, и сначала и до конца, точная копия сцены ссоры Треплева со своей матерью из «Чайки». Чехов большой художник.

2 декабря <...> Купил 2-й том Чехова, там часть бывших «Пестрых рассказов» и часть новых, т. е. не появлявшихся отдельным изданием. Когда я перечел эту книжку, то удивился легкомыслию А. П. — зачем было продавать Марксу эти рассказы. Они положительно плохи, а рассказ «Трагик» грубо тенденциозен. Это фельетончик. Я бы этот том выбросил — он недостойн автора «Чайки», «Скудной истории», «Черного монаха» и т. д. На днях я ему написал, только не об этом. Зачем делать больно?⁴³

1901

4 января. <...> Получил 3-й том Мопассана с портретом и литературной характеристикой, последняя очень хорошо написана и навела меня на многие мысли ⁴⁴.

Что-то общее есть у Мопассана с Чеховым: 1) избегание всякой популярности, 2) проповедование, будто он своего занятия не любит и смотрит на него как на ремесло, которое сильно ему надоело.

Больше всего меня интересует — совпадение это или А. П. Чехов прокоптился Мопассаном, как я Чеховым.

3 июня. <...> Чехов женился 25 мая — на Книппер О. Л. ⁴⁵ <...>

20 июня. <...> Вчера от А. П. я получил на редкость ласковое и приветливое письмо. Говорит, что он в Уфимской губернии и там ему скучновато. Спрашивает, что я теперь пишу, советует написать письмо Горбунову в «Посредник». Интересуется делом Рошаковского. Хорошее письмо ⁴⁶. Обрадовало оно меня очень. Не зазнается он, будучи уже великим и несомненно сознавая это. Дорога память такого человека. <...>

21 августа. Пароход «Св. Николай». До Херсонесского маяка. Писать пока можно. Как я рад, что сегодня именно выехал. Только что я взял билет и вошел в салон I класса, чтобы съесть чего-нибудь, как слышу знакомый голос:

— Борис Александрович, Борис Александрович, — Оглядываюсь, никого не вижу; оглядываюсь еще, смотрю — А. П. Чехов. Поздоровались.

— А я жену вчера провожал в Москву ⁴⁷.

— А я в Ялту к Татариновой ⁴⁸ и вообще отдохнуть.

Разговорились об Авиловой. Он называет ее очень милой, старой знакомой ⁴⁹ <...>

Наверху у книгопродавца была выставлена масса открытых писем с портретами писателей. Я нарочно спросил:

— Есть портрет Чехова?

А. П. на меня зацывал, чтобы я громко не упоминал его фамилии.

Я кивнул головой в знак того, что отлично это понимаю, и снова пошел к книгопродавцу спрашивать портрет А. П.

— Все вышли. Чехова и Сенкевича все решительно портреты проданы.

А. П. встретил какого-то старого знакомого, военного доктора, и разговорился с ним ⁵⁰. В это время студент-электротехник в синей рубашке и тужурке поверх подошел и спросил меня:

— Это не Чехов?

— Да, только, пожалуйста, не распространяйте этого — ему будет неприятно.

Студент кивнул головой, бывшая с ним девица все время рассматривала усиленно А. П.

<...> когда снова пошел на палубу и заговорили о марковском издании «Трех сестер», которое А. П. ругает, то он сказал:

— Бросьте вы говорить о литературе, ну ее, вот о крене говорили и будем. — Потом он посмотрел на швабру, которой боцман убирал палубу, и сказал: «Сколько такая штука вбирает грязи!»

Стал он расспрашивать о Военно-морском суде, но эта тема для меня была скучна. <...>

3 ч. 40 м. Совсем тихо.

Сейчас опять болтал с А. П. Он отозвал меня к борту и тихо сказал:

— Я не потому не хочу говорить о литературе, что мне не интересно, а потому что кругом слушают и могут узнать меня. Скажут, что это за литераторы едут? — А Авиловой скажите, что Чехов хвастался, что раз 50 ее видел и на юбилейных обедах с ней выпивал. Так и скажите, что хвастался, и без кавычек. <...>

В четыре часа пошли обедать. Пассажиров было необычайно много, обед был в две смены, и мы попали в первую — вероятно, человек 80—90 человек.

Чехов был в хорошем расположении духа и даже выпил капельку водки.

— А потом пойдем наблюдать бешенство буфетчика, который ожидал, что будет качка, и теперь должен дать по крайней мере 50 обедов. Непременно пойдем... — несколько раз повторил он.

подавали очень медленно. Чехов очень хвалил мне Ф. К. Татаринovu и ее главного сотрудника Яковлева⁵¹.

— Вы поезжайте прямо к Татариновой, у нее и остановитесь, вы увидите, что это за милая женщина. <...>

Когда подали барашка, Чехову попался плохой кусок с косточкой, он что-то сказал неодобрительное. Сидевшая vis-à-vis старушка вдруг протянула ему свою тарелку и сказала:

— Вот у меня мягкий кусочек, будьте добры, возьмите мою порцию, а я вашу, я люблю косточку...

А. П. на секунду смутился, потом видно было, что он понял старушку и не захотел ее лишить удовольствия сделать любезность «Чехову». Он сейчас же обменялся тарелками. Вся эта моментальная, почти незаметная сцена меня очень тронула.

В шесть часов стали подходить к Ялте и подходили, а потом выворачивались и приставали добрых полтора часа.

И меня и Чехова это ужасно злило. Пока приставали, разговаривали.

— Не пейте много водки, выпить в месяц раз-два, это еще можно, — ничто так не тормозит работы писателя, как водка, а вы теперь только начали.

Потом мы заговорили относительно моего вечного самоанализа, мешающего мне положительно жить:

— Отучайтесь от этого, это ужаснейшая вещь, очень тяжелая для самого же себя <...>

22 августа вечером. Ялта. <...> Я все наблюдал Марию Павловну. Кажется, это первая и последняя старая дева, симпатичнейшая, чем все самые красавицы дамы, девицы и барышни. Что-то прелестное есть в выражении ее глаз, что-то умное и вместе страдальческое. Как необыкновенно хороша, должно быть, она была в молодости <...> 1 сентября я встречу ее в Севастополе и буду провожать с курьерским поездом в Москву.

<...> Память у А. П. громадна, вчера он, например, спросил меня, а что сделали с матросом Мазараки, о котором я рассказывал ему два года назад.

Вчера же Чехов рассказал, что Мачтет умер от холерыны <...> приступы холерыны были не очень сильны, но сердце не выдержало — паралич⁵².

На пароходе Чехов ужасно возмущался продажей порнографических карточек на открытых письмах.

— Вы знаете, во Франции даже продажа этих вещей карается уголовными законами. Эти мерзости окончательно портят вкус.

С дачи Чехов поехал с нами <...> и пошел сдавать на почту корректурные листы V тома марковского издания⁵³.

Как-то мы говорили о моих отношениях с моим отцом, и я рассказал, что он лишил меня наследства в пользу моих детей и что я очень доволен, ибо ни Верушка, ни Всевошка нищими не останутся.

— И отлично, и отлично, — сказал А. П. и потом добавил: как бы я был рад, если бы кто-нибудь те деньги, которые я получил от Маркса, взял от меня раньше, а то от них уже ничего не осталось <...>

24 августа. <...> поехал к Чехову. Он вышел и сейчас же занял свою позицию на диване в нише. Вид у него был плохой, желтый он был и

грустный. У меня мелькнула тяжелая мысль, что, может быть, мы видимся в последний раз.

⟨...⟩ А. П. стал расспрашивать о деле Рощаковского — кто, по моему мнению, украл деньги. Я сказал, что подзреваю квартирмейстера Шульгу, у которого много было краденых вещей и который в ту ночь самовольно съезжал с «Буга» на берег. Чехов хорошо знает мать Иловайского и говорит, что у нее ровно, ровно ничего нет, чем бы она могла заплатить долги ⁵⁴.

Потом перешли на К. А. Яковлева. Я сказал, что мне жаль его как молодого вдовца.

— Ну это что ж, может еще жениться, — проговорил А. П.

— По-моему нет, — не должен, у него дети есть.

— Дети не должны быть эгоистами, у отца жизнь одна, он может жениться и второй и третий раз.

⟨...⟩ А. П., видимо, утомился. Я собрался идти, как позвонили. Пришел Дорошевич — автор сахалинских очерков. Громадный, здоровый, весь бритый человек. Он вызывается в Одесскую судебную палату в качестве обвиняемого за клевету в печати, а А. П. — свидетелем. Дело в том, что Дорошевич упомянул где-то в своих записках, как по распоряжению одного из сахалинских администраторов нещадно был выпорот один каторжник. Чехов все спрашивал, как ему законно не явиться в суд. Я рассказал. Дорошевич откланился. Он ехал с какой-то дамой в Алушку. Чехов пригласил его на следующий день обедать ⁵⁵.

⟨...⟩ я попросил у А. П. «Трех сестер», давно мне обещанных, и откланился. Вошла Мария Павловна.

— Ты устал, Антоша?

— Да.

Вид у него был очень болезненный, действительно.

Деликатен он слишком, а еще удерживал Дорошевича. Я с тяжелым сердцем ушел в этот раз от него.

Неужели не станет тебя, дорогой мой писатель ⟨...⟩

Еще одно. Я спросил А. П., что он думает о моих письмах, когда получает послание на 8—12 страницах.

— Ничего, читаю с удовольствием, а потом складываю в отдельную папку и все картинки берегу.

3 сентября. Ялта. Дача Чехова. Без $\frac{1}{4}$ 8 утра.

⟨...⟩ Боясь опоздать на пароход, который уже давно у мола, я приехал в половине восьмого. А. П. еще спит. Я не приказал его будить, а сам сижу в саду. Ранний час еще чувствуется. Мимо дачи проезжают мажары и позвякивают бубенчиками. Изредка курлычет чеховский милый журавль, а откуда-то издали слышна родная, дорогая моим ушам малороссийская «дівчака пісня». Поют «бідны» дівчатки с татарских табачных плантаций — эти рабыни, с которыми обращаются, как со скотом.

Я нарвал себе немножко каких-то голубых цветов, и мне хорошо.

(Записано дальше на пароходе «В. кн. Константин»).

В это время пришла горничная и сказала — вас зовут. Мы встретились в столовой.

— А я еще в 7 часов встал, — сказал А. П., — зачем же вы не приказали о себе сказать?

Я поздоровался с его мамашей. И по тону голоса А. П. и по движениям я видел, что он здоров и весел, и мне было до страсти приятно его видеть, и поэтому я не ревновал его к матери, как это бывало раньше. Старушка милая и простая. Она налила мне стакан чая. Я рассказал со всеми подробностями, как я провожал Марию Павловну ⟨...⟩

Давно-давно я не видал А. П. таким веселым. Он расспрашивал о спектакле ⁵⁶. Что же было сказать хорошего — почти ничего.

— Вы не пишите, что худо, — сказал он.

Я сказал, что худо об Орленеве не отзывался, а только жалел, что ему пришлось играть с любителями.

— Что, он пьян был?

— Нет, но на туалете стояли какие-то бутылки. За ним все Татаринова ходит и даже арестовала его кассу, чтобы он всего не пропил, — сказал я.

— Ничего не поделает. Придет и отберет у нее деньги.

Чехов замечательно понимает Татаринову. Она много делает для артистов, литераторов и художников, но сама она ни то, ни другое, ни третье, и с этим согласиться не хочет, и в этом ее болезнь. Самой ей выступать хочется, но это невозможно:

— Вся Ялта разбежится, если узнает, что Татаринова вздумала играть.

Снова перешли к разговору об Орленеве, а потом о Достоевском. Чехов мне сообщил интересные подробности о ненависти Достоевского к Тургеневу.

— Однажды Достоевский сделал очень гадкий поступок, почти преступление, потом пошел к Тургеневу и сказал: «Вы знаете, что я вас ненавижу?» — «Знаю». — «Ну, так слушайте». И Достоевский подробно рассказал о той своей гадости, которую сделал. — Ну, к чему такие выходы, — сказал А. П. — Ах, как Достоевский испортил «Карамазовых» этими речами прокурора и защитника.

В этот день А. П. был весел и выглядел молодцом. Мне он сказал много приятных вещей, — что не считает меня чужим и всегда просит заходить запросто обедать <...>

17 сентября. <...> Позавчера я снова видел А. П. Чехова. Случилось это так. Ко мне пришел Гридин и говорит, что слышал от знакомого, будто приехал Чехов. Я сообразил, что это 15-е число, когда он собирался в Москву. Захотелось его увидеть ужасно. Он у Шапошникова⁵⁷, — сообразил я. Пойти к Шапошникову был предлог — я ему остался должен два рубля. Пойти и отдать их. Так и сделал <...>

— А вы же говорили, что уедете в Баку, почему же не уехали? — этой фразой меня встретил А. П., и я понял, что понимать ее следует так: вы не сердитесь, что я к вам не зашел, я думал, что вы уже в Баку. — Затем разговор пошел своим порядком.

— Издавать газету может только тот, кто имеет настолько средств, чтобы перед своим домом поставить электрический дуговой фонарь, — говорил А. П. — Есть 50 тысяч годового дохода — можно издавать газету, а нет — и говорить не о чем. Поэтому такие газеты, как, например, «Ялтинский листок», должны погибнуть, да и вести ее они не умеют. Я убедился в полнейшей бездарности Яковлева. Да, у Ф. К. Татариновой большой обед был, был Орленев, Назимова, — сказал он, обращаясь ко мне.

— И вы были?

— И я был.

Улучив минуту, когда супруги Шапошниковы заговорились, я сказал А. П.:

— Да, я получил известие, что мой рассказ взяли в «Журнал для всех».

— А! Это журнал исключительный. Он сейчас имеет 50 000 подписчиков, а через год будет иметь 150 000, я в этом уверен. Там особенные условия. Он и с почтовым ведомством как-то устроил так, что за пересылку платит меньше других, и когда об этом начать говорить, то Миролюбов всегда сердится⁵⁸.

— А сколько мне там платить будут?

— А это как вы там условитесь. Мне там платят 500 р. с листа.

Потом, не помню по какому поводу, заговорили о таланте.

— Таланту подражать нельзя, потому что каждый талант есть нечто своеобразное. Мопассану, например, никогда и никто подражать не может, как бы об этом ни говорили, потому что Мопассан один, — он сам по себе.

— Как же формулировать талант? — спросил я.

— А никак. Талант есть талант, — сказал А. П.

Я не долго посидел, а отправился домой <...> и потом к отходу курьерского поезда поехал на вокзал <...>

Наконец звонок. Чехов, я и Шапошниковы спокойно поднялись и пошли к вагону. Купе было № 3, а место внизу. К нашему удивлению, место внизу заняли уже два студента — один технолог, другой — гражданский инженер. Увидев претендента на нижнее место, они несколько заспорили и даже предложили А. П. перейти в следующее купе, но тот остался непреклонен. Потом, когда мы отошли, Шапошников что-то поговорил со студентами и оба они сделались кротки, как ягнята. Я уверен, что Шапошников сказал им, кто едет, но попросил не выдавать того, что они узнали.

— Теперь я научился ездить совсем без багажа, — сказал А. П., выходя из вагона на платформу. — Иногда гораздо выгоднее бывает купить вещь, чем везти ее с собою.

Лицо у него было довольное, видно было, что он рад тому, что скоро будет в Москве.

— Собственно говоря, это разврат, что студенты ездят в первом классе, — сказал я.

— Отчего же. Когда-то, будучи гимназистом старшего класса, я сидел в первом ряду, — улыбнулся Чехов, — а некоторые из товарищей были на верхах и оттуда кричали в антракте: «Антон! Чехов! Антон!»

Мы с А. П. отделились от Шапошниковых и заговорили снова о «Журнале для всех».

— Что, у Миролюбова есть чутье? — спросил я.

— Да есть, есть, только угрюмый он какой-то.

— А кто такой Сементковский?

— Сементковский — редактор «Нивы», бездарность он, большая бездарность ⁵⁹. <...>

Я стараюсь записывать решительно буквально каждую фразу Чехова. Вот еще вспомнил, как он мне говорил:

— Вам непременно нужно пожить в Москве. Несколько лет пожить, а то вы совершенный провинциал. <...>

23 сентября. <...> Около девяти часов утра мы были в Таганроге, на родине Чехова, и по этому случаю я чуть-чуть там не остался. Сел писать ему письмо ⁶⁰ и после третьего звонка едва добежал до своего вагона. Писал я Антону о том, что со мною в одном вагоне едет армяночка — такая самая, как в его рассказе «Красавицы» <...>

23 октября. <...> Сегодня я в первый раз в жизни прочел «Записки неизвестного человека» Антона Чехова ⁶¹. Тяжелое впечатление, как после Достоевского <...>

21 ноября <...> Сейчас я у А. П. Поговорили о том, о сем. Его я застал за работой. Зная, как неприятно, когда сидят в кабинете, когда рукопись на столе в ходу, я ушел... Побеседовал с его мамой, симпатичной, милой и хорошей, во многом очень похожей на него и несомненно очень умной и не мудрствующей, как большинство наших барынь <...>

Хотелось бы увидеть Горького, да не хочется идти к нему, а к Чехову он сегодня вряд ли придет.

8 ч. вечера. А. П. угнетает мысль, что завтра будут поставлены ужаснейшей труппой «Три сестры» ⁶². Поразил меня А. П. и тем, что серьезнейшим образом начал доказывать, что Бальмонт большой поэт и место его в истории русской литературы тоже большое ⁶³. Я не мог согласиться.

Сегодня я много разговаривал с его матушкой. Что за славная старушка! Не знал я ее раньше. И любит же она Антошу!

Завтра я пойду к нему попрощаться.

КАБИНЕТ ЧЕХОВА
В ЯЛТИНСКОМ ДОМЕ

Автолитография С. М. Чехова
Библиотека СССР им. В. И. Ленина,
Москва

22 ноября. <...> поехал в Аутку к А. П. Его я застал в хорошем расположении духа. Поговоришь хорошо с ним и сейчас оживаешь. Наш разговор постоянно перебивал телефон, и мне вспомнилась фраза, сказанная вчера его мамой, — как он выразился: «Мама, вы знаете, я когда-нибудь возле телефона умру».

Сегодня А. П. все еще продолжал волноваться по поводу постановки «Трех сестер» отвратительнейшей труппой.

Он спросил меня о моем отце, на что я достал «Энциклопедический словарь» Брокгауза и открыл место, где напечатана биография отца ⁶⁴.

Я рассказал А. П. о дяде Феде и его жизни и смерти. На него все это произвело тяжелое впечатление, я видел это по лицу.

Шатаюсь по кабинету, я стал перед камином с нарисованным на нем пейзажем работы Левитана, потом, опустив глаза от картины, я взглянул вниз, — в камине много было всякого сору, больше всего небольших бумажных кулечков с мокротой, а на одном кулечке была и кровь! <...>

— А. П., скажите, в своих суждениях о литературе я — публика или не публика? — спросил я.

— Когда судите о своих, то не публика, а когда о чужих, то публика. Вчера я спросил его, когда он в рассказе описывает сны, то чем он руководствуется — опытом своим или наблюдениями и рассказами других людей.

— Никогда я снов не описывал ни в одном рассказе.

— Позвольте, а в «Учителе словесности», а в «Гусеве»?

— Да, да, верно.

А. П. говорит, например, что уже не помнит содержания своих «Огней» ⁶⁵. Я и верю и не верю.

Я побыл недолго у него, но на душе у меня очень повеселело.

— Ну, — сказал я, — чтобы маслом каши не испортить, прощайте.

— Ну, — прощайте. Вот что, если завтра вы не уедете, то приходите часа в три.

— А что будет в три часа?

— Так приходите, ничего.

Я страшно обрадовался. Значит, ему приятно меня видеть, значит, он хочет меня видеть. А я вчера еще тревожился и мучился сомнениями, приятно или нет А. П. быть со мной.

Сегодня я между прочим сказал ему:

— Вы суровый человек, вы похожи на моего отца.

— Нет, я не суровый.

— Ну, так значит, вы sentimentalный, но боитесь эту sentimentalность показать и напускаете на себя суровость.

А. П. засмеялся.

<...> Вечером Фанни Карловна с детьми все-таки были в театре, сунулся и я. Как взглянул на одного Чебутыкина, так на меня ужас напал, и я ушел. <...>

23 ноября. <...> поехал к Чехову. Он уже успокоился, спектакль прошел.

В этот день он был очень оживлен, не жаловался на перебои сердца и много говорил. Мы спустились в столовую пить чай. Там сидела и его милая, милая старушка-мать. Когда А. П. вышел, она мне все жаловалась, что вот Антоша ничего не хочет есть: «Наскоро съест суп, спросит, что будет второе, и, если не нравится, уходит, а угодить ему трудно. Мяса ему нельзя, нужно или ножки, или рыбу».

— Когда и что он пишет, и не узнаешь. Боже сохрани его спросить, что ты теперь пишешь. Так, разве где-нибудь книжку его достану, то прочту, а сам не дает никогда. Все жалуется на свою бесхарактерность. Иной раз за обедом укажет на меня да и говорит: «Вот весь в эту особу я, — никому и ни в чем не могу отказать». — Бывало, студентом все что-то пишет. Кто же его знал, что он таким писателем выйдет. <...>

Когда я поднялся наверх, А. П. сидел на своем любимом месте. Не помню, с чего уж разговор начался, кажется, снова съехали на Бальмонта.

— Вот тот поэт, — сказал А. П., — которого вы вчера слыхали, — чудеснейший поэт, но Бальмонт выше. У Бальмонта свое. Нужно быть самим собой. Хоть комар да комар, а ни на кого другого не похож. <...>

Рассказал А. П. о некоем Белоусове, живущем в Москве. Белоусова он ужасно любит и собирается написать его биографию, если тот умрет раньше. Белоусов и переводчик с малорусского, и оригинальные статьи пишет, но замечателен тем, что по профессии — он портной и занятия своего не оставил. Днем шьет штаны и жилеты, а вечером пишет ⁶⁶.

А. П. поделился со мной своей радостью — на Рождество приезжает его жена Ольга Леонардовна.

— Скажите, А. П., отчего вас считают олимпийцем и совершенно недоступным человеком, между тем как вы — ни то, ни другое?

— Да оттого, что я никуда не показываюсь и сижу дома. <...>

1902

3 января. После обеда я взял извозчика и поехал к Чехову.

Во дворе меня встретила горничная и сказала, что Марии Павловны нет дома и что она просила передавать всем приходящим, чтобы не давали повода А. П. много говорить, потому что он очень болен.

Я это все и без нее знал.

Застал я Чехова в кабинете за разборкой писем, собравшихся за год, то есть за той самой работой, которую и я так люблю делать и только на днях закончил. А. П. заметно похудел, побледнел, но на лице у него выражение было спокойное и счастливое. Я рассказал ему о своем вчерашнем

свидании с Миролюбовым. Он очень хохотал по этому поводу. Я никогда не видал, чтобы Чехов так от души смеялся. Вообще он с любовью, но и с большой проницательностью относится к Миролюбову.

Я передал ему, что Авилова просила передать: «Кланяется старая матушка»⁶⁷. — Чехов подумал и сказал: «А действительно, она на попадью похожа» <...>

Потом заговорили о Гольцеве: «В литературе беллетристической он мало смыслит, — если нет «конституции», то рассказ не годен, — но зато он ученый»⁶⁸. — Потом говорил о том, как нужно издаваться. Что Леонид Андреев стал пользоваться большой популярностью.

— А вот, — сказал А. П., — есть такой очень талантливый человек — Куприн, — не вовремя издался и промелькнул незамеченным⁶⁹.

Я спросил его о Лоэнгрине, приезжавшем к Горькому и не принятом Чеховым⁷⁰, и рассказал, что в рождественском номере «Южного обозрения» помещен портрет Горького и Чехова тоже, который тогда еще и не обещал своего сотрудничества⁷¹. А. П. помолчал и сказал:

— Да, есть и такие господа, которые соглашаются с несколькими редакциями, чтобы их рассказ был помещен именно в таком-то номере и в такой-то день. Рассказ помещается, и гонорар разом берут из двух-трех редакций, а объяснение уже потом⁷².

А. П. все советует мне переезжать в столицу и в столицу. На мой вопрос об его мнении, выбьюсь ли я в писатели, он ответил:

— Для этого прежде всего нужно хоть некоторое время пожить в столице <...>

Я сказал А. П., что не нахожу его очень больным.

— Теперь я совсем поправился, я по шести яиц уже съедаю, — сказал он многозначительно и напомнил мне одного из его героев в рассказе «Гусев», который, умирая от чахотки, говорил: «Теперь мне уже совсем лучше, я даже лежать могу!..»

Лицо у А. П. было бледное, но походка бодрая и выражение глаз веселое, доброе. <...>

4 января. Сегодня мы с Мисей и Верушей поехали к Яковлевым. Из их квартиры видна дача Чехова. Я не вытерпел и пошел туда через дачу графа Ностица.

Шел снег, должно быть, первый и последний раз в Ялте.

Среди графского парка искусственное озеро и там плавают лебеди. И снег белый, и они белые, а кипарисы по аллее зеленые уходят в перспективе. <...>

Чехов сказал, что сегодня у него ночевал Горький и что был он какой-то кислый⁷³.

— Хороший парень этот Горький, — добавил А. П. Хорошее настроение Чехова продолжалось.

Мария Павловна просила меня зайти в книжный магазин Синани и сказать, чтобы в половине шестого оттуда послали извозчика.

Я это исполнил. <...>

Звоню. Голос А. П.

— Ну что, приехал извозчик?

— Нет, но наши уже уехали.

— На чем?

— Да ко мне приехал Горький, так они на его извозчике.

Я сейчас же забыл Кулябок, к которым собирался идти, оделся, взял извозчика и помчался.

Приехал. В передней сейчас же мне бросилась в глаза барашковая, à la скуфья, шапка Горького.

Я захватил с собой ужаснейшую статью из «Московских ведомостей» под названием «Циничная проповедь бесстыдства», составляющую якобы

критический разбор романа Горького «Трое»⁷⁴. Утром меня еще просил <А. П.> привезти эту мерзость.

Когда я вошел в кабинет, Чехов представил меня. Горький поздоровался и посмотрел, как мне показалось, очень недружелюбно на меня. Я сделал вид, что не хочу его рассматривать и не интересуюсь с ним разговором, а приехал специально к А. П.—чу. Чехов взял лист газеты и вслух прочел:

— «Циничная проповедь бесстыдства».

— Это про меня? — оживляясь, спросил Горький.

— Да, да.

— Это интересно.

— Как нужно исподличаться и изолгаться, чтобы написать такую вещь, — сказал я.

— Кто это писал, Басаргин? — спросил Горький.

— Да, — ответил Чехов.

— А говорят, он очень искренний человек.

— Ну, какое там, — протянул Чехов, улыбаясь.

Потом разговор ушел в сторону. Говорили о «Восемь лет на Сахалине» Миролюбова⁷⁵. Говорили много кое о чем.

Недружелюбный тон и взор Горького улетучились. Передо мной был такой симпатичный типичный железнодорожный рабочий в образе писателя или, скорее, наоборот.

— Если вам что-нибудь нужно, то вы не пишете, ибо на письма я не мастер, — сказал он, — а лучше приезжайте.

Я говорил о чем-то с Чеховым. Горький ходил по комнате, потом остановился и спросил А. П.:

— Что вы думаете о Толстом?

— Да вот то, что думает и Альтшуллер и другие доктора. Человек здоров, но стар и поэтому может и 20 лет прожить, может и завтра умереть⁷⁶.

Боясь стеснить и А. П. и Горького, я посидел немного и уехал <...>

В общем хороший сегодня день, и я никогда не забуду тех моментов, когда сидели втроем, — я, А. П. и Горький и говорили<...>

Я-таки исполнил свое заветное желание и сказал Горькому, что «Ярмарку в Голтве» ужасно неприятно читать, так искажены там малороссийские фразы.

— Я не знаю малороссийского языка, не знаю, может быть, — сознался он.

Чехов счел нужным вступить:

— Я настоящий малоросс, я в детстве не говорил иначе, как по-малороссийски, и не заметил никаких неправильностей.

Но я хорошо знал и чувствовал, что А. П. говорит это по своей дивной привычке заботиться о том, чтобы никому не было неприятно.

6 января. <...> Сегодня в 1 час дня нужно отбывать повинность и идти смотреть «Лес», который Фанни Карловна уже третий раз ставит за праздники⁷⁷.

Чехов ужасно возмущался, что «Лес» ставится для народа.

— «Грозу» бы! — говорит он.

7 января. <...> Я, Веруша, Мися и Аня Татарина были у Антона милого.

Вошли в переднюю, разделись. Веруша с места вошла в кабинет А. П. Через минуту он вышел ей навстречу:

— Здравствуй, здравствуй.

Веруша спокойно подала ему руку. А. П. взял и положил ей свою руку на голову и сказал мне:

— Ну вот ваше желание и исполнилось.

Я так и просиял. <...>

Мы с А. П. заговорили о Горьком... Я спросил, читал ли сам Горький тот безобразный фельетон, который я третьего дня ему принес.

— Вслух читали все у Средина ⁷⁸.

— Ну что же Горький?

— Ничего. Все очень смеялись, и он смеялся. <...>

Мария Павловна должна была с нами в город ехать, но предварительно позвала всех вниз пить чай. В это время черт принес какую-то размалеванную барыню, поклонницу А. П.

Сошел вниз и А. П., в руках он нес коробку конфет. Как-то неумело поставил ее между Мисей и Верушей и сел возле меня пить из чашки чай. <...>

Потом он ушел наверх. Я с Верушей тоже поднялись. А. П. взял ее на колени и гладил по головке.

— Как я счастлив, — сказал я.

— Да? Вот что. Давайте ей рыбий жир. Уши у нее очень тонкие. Маленькая она какая. <...>

— Нужно вам непременно пожить в Петербурге, год, два. Иначе никогда не будете писать о том, о чем нужно. Жизнь нужно знать. И издаваться нужно тогда, когда вас свои узнают ближе.

— Кто свои?

— Ну, Горький, Потапенко и другие...

9 января. <Севастополь>. <...> Впечатления от А. П. еще бродят в голове. Не желая ни одной секунды приблизить себя к нему как к большой величине, я все-таки не мог не заметить, как много у меня с ним общего. Боязнь высоты, на которую он мне жаловался, всегда была и моей страшной, но скрытой болезнью. Я тоже не могу перейти через док иначе, как приказав матросу держать меня под руку.

— А ведь это психоз, — говорит А. П. <...>

18 января. Позавчера я получил письмо — ответ на это, от дорогого моего А. П., он успокаивает меня, говоря, что Миролюбов ко мне даже расположен и рад моему сотрудничеству. А. П. кланяется Веруше ⁷⁹. Милый, добрый А. П.!

1903

Уж очень интересный был этот год. Ужасно, ужасно жаль моего старого дневника, который у меня украли в Ростове. Хочется возобновить события хоть отчасти, по месяцам. Хоть главное. Не выйдет... Но лучше что-нибудь ⁸⁰.

Январь. Несколько дней в Ялте. Несколько часов возле Чехова ⁸¹. Серая погода, бурное море хлещет через мол. Помню, он поглядел в окно и сказал: «Вот в такую погоду застрелиться бы». В этот день, как и всегда в декабре и январе, он был занят разборкой писем, полученных за год. Я разглядывал книги, лежавшие на столе. Заметив небольшую брошюрку со стихами, я спросил его:

— Разве вы стихи любите?

— Иногда, да и некоторые.

Он развернул брошюрку посредине и, указав на одно стихотворение, произнес:

— Вот.

Там было написано:

Шарманка за окном на улице поет,
Мое окно открыто. Вечереет.
Туман с полей мне в комнату плывет.
Весны дыханье ласковое веет.

Не знаю, почему дрожит моя рука,
 Не знаю, почему в слезах моя щека...
 Вот голову склонил я на руки глубоко,
 Взгрустнулось о тебе, а ты... ты так далеко.

Стихи были Федорова ⁸². <...>

Апрель. Была Пасха, когда приехала труппа Мейерхольда, бывшего актером Московского Художественного театра ⁸³. Мы с ним близко сошлись. Это воплощенное оскорбленное самолюбие и самое утонченное декадентство. Мы часто ужинали с ним и проводили целые ночи и в ресторанах и у нас. Мейерхольд с увлечением читал бальмонтовское «Отцвели» ⁸⁴ <...> Мейерхольд — один из несчастнейших людей. Искренний и истинный служитель искусства, он отбилсЯ от Художественного театра, его там заклевали, а сам не поднимется — деньги нужны.

Удивительно хорошо шли у них «Дядя Ваня», «Геншель» и особенно «Потонувший колокол» ⁸⁵. Удивительно холодно отнеслась севастопольская публика к этим актерам по призванию <...>

Мейерхольд любит Чехова, и тот его любил ⁸⁶, пока Книппер не наговорила вздору <...>

Был в Севастополе проездом Горький. Был на «Мещанах», сказал, что пьеса провалена ⁸⁷.

Май. Не помню, которого числа проехал Чехов ⁸⁸. Он расспрашивал на вокзале, как сошла пьеса Чирикова ⁸⁹. Он радовался, что едет в Москву, и собирался за границу, да не пришлось ему ⁹⁰. На вокзале за Чеховым ходила толпа гимназисток-восьмиклассниц и с завистью смотрела на меня.

Август. В Ялте мы пробыли двое суток. Я был у Чехова. <...>

Его вместе с Ольгой Леонардовной я застал на террасе. Мне очень не понравилось, что он не один, но делать было нечего. Влюбленный в жену, он был счастлив.

— Вы оба совсем теперь такие, как в Аксенове — на фотографии, — сказал я ⁹¹.

— Это оттого, что Антон надел такую фуражку — с плоским козырьком, — добавила Ольга Леонардовна.

Потом заговорили о смерти, сам А. П., но мягко, добродушно, и это было еще страшнее... в его устах, — желтый он.

— Страшно умирать в море... — сказал он.

— Как Гусев ⁹²?

— Да...

И я, и Ольга Леонардовна постарались перевести разговор на другое. Говорили о моей книге. А. П. очень хвалил еще «Доктора» ⁹³.

Потом я ушел к Марии Павловне. Она была грустная, грустная.

— Что вы такая?

— Да отчасти из-за вас. Вы знаете, Ольга Леонардовна была против того, чтобы вас приняли ⁹⁴. Теперь уже и я вижу Антона не тогда, когда хочу, меня к нему не пускают...

— Ну что вы?

— Да, да.

— Борис Александрович, идите чай пить, — раздался снизу голос А. П.

Я подумал: он не хочет, чтобы я говорил с Марией Павловной о нем, — и спустился вниз в столовую. <...>

Когда все разошлись и мы остались вдвоем с А. П., он сказал:

— Попробуйте написать пьесу; я сам берусь провести ее в Художественный театр. Видите ли, у вас разговорный язык хороший. Вот, например, рассказы Горького гораздо сильнее ваших, на язык у него плохой разговорный, — так не говорят на самом деле, а у вас люди говорят между собою так, как это бывает на самом деле.

— Не могу я...

— Ну что там «не могу», попробуйте, непременно...

Потом говорили о Художественном театре и о Мейерхольде, и теперь А. П. уже говорил о Мейерхольде другим, неприветливым голосом⁹⁵. Влияние Ольги Леонардовны. С ее приездом у них в доме всё и все напряжены. Словно висит что-то.

3 августа мы выехали на Одессу пароходом (из Севастополя). <...>

Не могу не записать еще одной трогательной подробности. Вечером, когда я возвращался от Чехова, мы встретились с Митей. Он сказал, что только что Чехов по телефону вызывал меня из гостиницы. Я пошел к Миролюбову, он всегда останавливается в «России», и отсюда соединился с Чеховым.

— Вы звали меня, Антон Павлович?

— Да. Вот что, я тогда постеснялся спросить вас... Да... Не нужно ли вам денег, возьмите у меня.

— Нет, нет.

— Да возьмите, что за пустяки...

— Нет, спасибо.

— Ну, как хотите.

— Спасибо, мой хороший, мой дорогой <3 нрзб.>.

Вот душа большая, всех лаской своей охватывающая.

В Москве <...> несколько раз я был и у милого, действительно незабвенного Ивана Павловича Чехова. Он директор Городского училища имени императора Александра II. Удивительное училище. Идеал школы. Я уверен, что в России ничего подобного нет больше.

У Ивана Павловича я видел два больших писанных масляными красками портрета А. П. — без бороды и усов он чрезвычайно, на редкость похож на Антона Рубинштейна⁹⁶ — и портрет Николая Павловича, покойного художника.

Много рассказывал мне Иван Павлович о юности А. П. В рассказе «Припадок» изображены покойные Николай Павлович Чехов, Левитан (Гаршин) и архитектор Шехтель.

Рассказ «Винт» писан Антоном Павловичем, который в винт не умеет играть, со слов. Объяснял ему значение ходов Иван Павлович⁹⁷.

Иван Павлович поражался моему знанию рассказов А. П. Чехова. Хорошее я вынес впечатление от пребывания у Ивана Павловича, дивное.

3 сентября. Точно предчувствуя, что у меня пропадет дневник, я вписал в него записки с тех листов, которые заполнил в Ясной Поляне. Дневник в Ростове погиб, а заметки, сделанные на бумаге, взятой в комнате у Льва Львовича⁹⁸, остались и помогают теперь сделать мне самые подробные записки о дне моего пребывания в Ясной Поляне.

<...> Я сказал ему <Л. Н. Толстому>, что недавно видел Чехова и очень боюсь за его здоровье. Потом сразу перешли на разговор о Чехове и Горьком. На мое замечание, что Чехов советует мне писать пьесу, Лев Николаевич особенно оживленно заговорил:

— Вот как нужно быть снисходительным ко всякого рода сильным мира сего, когда они делают и говорят глупости. Если Чехов, такой действительно умный человек, советует молодому, начинающему писателю писать пьесу только потому, что у него хороший разговорный язык в рассказах, то чего же требовать от других, менее умных? Чехов вот не понимает, что его пьесы никуда решительно не годятся.

— Но они современные очень, — сказал я.

— Этого мало. Если мы будем читать пьесу Островского, то мы увидим, что это действительно пьеса, и поймем ее, а чеховскую пьесу в чтении никто не поймет.

— Ну, а «На дне»?

— И «На дне» то же самое, это не пьеса. Зачем пишутся такие пьесы?..

— А вы, Лев Николаевич, видели вообще постановку и игру актеров в Московском Художественном театре?

— Видел «Дядю Ваню», и не понравилось мне ⁹⁹.

〈...〉 Лев Николаевич очень любит рассказы Чехова.

— Я выбрал из них самые сильные и переплел в отдельную книгу, — сказал он ¹⁰⁰. — Чехов — это маленький Пушкин ¹⁰¹. 〈...〉

21 ноября. 〈...〉 Сегодня мне захотелось к Антону Чехову. Он мне снился несколько ночей подряд. Я пошел утром к ялтинскому телефону и поговорил с ним, сказал, что приеду сегодня, а он завтра собирается в Москву, и, вероятно, я завтра же с ним вернусь в Севастополь ¹⁰². 〈...〉

Мы были у Ялты. Швартовались недолго. Лунная ночь великолепна. Я взял извозчика и полетел прямо в Аутку к Чехову.

Его я застал одного. Совсем одного в целом большом доме. Сидит в кресле возле письменного стола. Поднял голову.

— А...

Почти сейчас же он стал говорить о том, что ждет телеграммы от жены или от матери, чтобы ехать завтра в Москву, но поехать уж не придется, — вероятно, в воскресенье. 〈...〉

На столе лежала книжка «Образования», сентябрьская. Я спросил, где октябрьская.

— А, должно быть, батюшка взял ¹⁰³.

— Вы читали там статью Ашешова о моей книжке ¹⁰⁴?

— Нет, а что?

— Да опять сравнение с вами.

— Ругать вас нужно. Вот мне все некогда, а я бы написал статью о вас... Нужно же быть самим собой. Вы то колокольчиком зазвоните, то козликом запрыгаете, и выходит это у вас удивительно хорошо, но все на разные лады. Да, да, да... — Он засмеялся ласковой улыбкой. — Пишите чепуху, какую хотите, но чтобы это была *ваша* чепуха... А вы хорошо пишете, но не по-своему.

Я подумал, что это не совсем так. «Элегия», «Доктор» — там все только мое.

Потом я показал А. П. мою статью о нем в «Елисаветградских новостях». Я видел, что она ему очень понравилась ¹⁰⁵.

— Спасибо. Вот это у вас хорошо окончание: «больше говорить не о чем, да и незачем». 〈...〉

Я рассказал А. П. о своем горе с потерей дневника.

— И отлично. Совсем не нужно вести дневник.

— Да я его восемнадцатый год веду.

— Ну, а на девятнадцатый бросьте.

— Нет.

Я говорил искренне, — нет. Некоторые из моих дневников ценнее моих рассказов, я это чувствую, и несмотря на грустные и нехорошие вещи в них, со временем детям моим будут интересны.

Боясь, как и всегда, утомить Антона Павловича, я стал прощаться и сказал, что еду к Татариновой.

— Вот вы читали про Терезу Эмбер? ¹⁰⁶

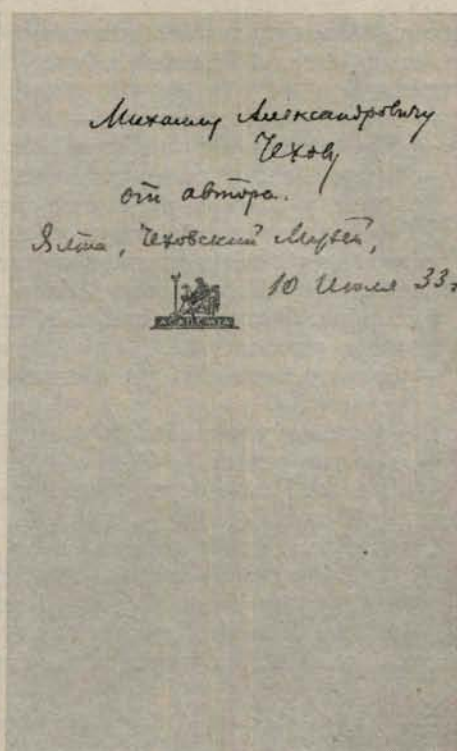
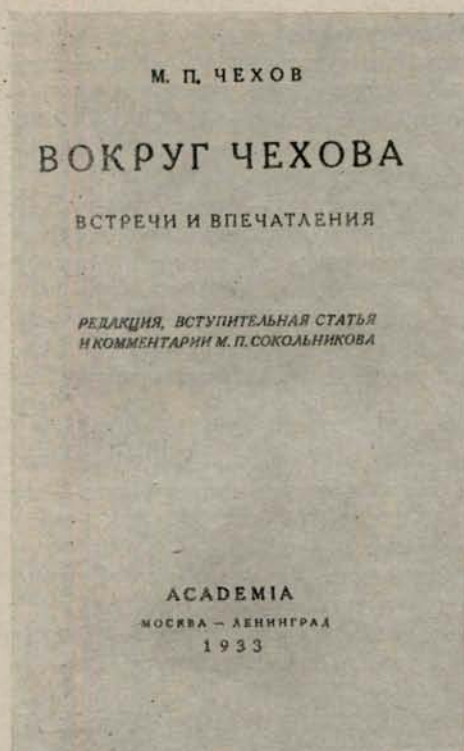
— Да.

— Так вот мне Татаринова представляется такою.

Я подумал, что это не совсем так. Попрощался до завтра и уехал к Ф. К. Татариновой.

22 ноября. 〈...〉 Позавтракал со всеми и поехал к А. П.

К моей досаде, у него оказалась начальница местной гимназии и классная дама, молоденькое пухлое существо ¹⁰⁷ 〈...〉 А. П. выглядел хорошо.

М. П. ЧЕХОВ. «ВОКРУГ ЧЕХОВА». М.—Л., 1933

Обложка и форзац с дарственной надписью: «Михаилу Александровичу Чехову от автора. Ялта, Чеховский музей, 10 июля 33 г.»

Собрание А. Н. Дубовикова, Москва

сравнительно, был весел и много шутил. Сейчас я могу записать его слова, как они были произнесены:

— Как-то я приношу рассказ в редакцию, еще молодым будучи. В. Немирович-Данченко в качестве редактора принял меня чрезвычайно сухо. Потом он мне его возвратил. Теперь этот рассказ вошел в сборник — хвалили его¹⁰⁸.

Заговорили об отношениях писателей конца XIX века, о вражде Достоевского и Тургенева, Тургенева и Некрасова, о том, как они ненавидели друг друга.

— Ну и отношения тогда между писателями были, — сказала начальница.

— Да, — протянул А. П. — Теперь лучше живут. <...>

Я спросил А. П. о Ясинском.

— На него много клеветали.

А. П. сказал, что получил письмо от Мейерхольда, что у него идет горлом кровь¹⁰⁹. Он сказал, что из Художественного театра Мейерхольда никто «не выживал», а он сам себя «выжил» интригами.

Я подумал, что А. П.-чу наговорила это Книшпер, и ручаюсь, что это так.

— Нервный он ужасно, — продолжал А. П. о Мейерхольде. — Совсем ему не следует читать таких вещей, как Бальмонт и Пшибышевский. А он их любит.

Потом говорили о Ляпунове, который сейчас вечером должен был быть у Татариновой. А. П. очень интересовался, как его доктора лечат¹¹⁰,

и просил меня узнать это доподлинно и потом телефонировать. Я спросил его, когда будет 25-летний юбилей, которого ждет так вся образованная Россия.

— Я вас всех проведу... — А. П. засмеялся.

— Ну, а юбилей Короленко ¹¹¹?

— Тоже совершенная глупость... <...>

Вечером у Татариновой был милый писатель — крестьянин Ляпунов. Он отлично читал вслух свои стихи «Пахарь» и «Сапожник», напечатанные в «Образовании». Интересный и хороший человек, недаром его так любит Лев Николаевич Толстой ¹¹².

5 декабря. Вчера проехал в Москву счастливый Чехов. Вспомнилось мне, как я сказал:

— Самому писателю решительно не видно, хороший или дурной рассказ он написал.

Начальница удивилась и протянула:

— Ну уж разве?

— Да, да. Разве через десять лет, когда читаешь как чужое, — подтвердил Чехов. <...>

Потом А. П. много говорил о Бальмонте.

— Я был как-то у него в Париже. Он женат. И видно, что Бальмонту скучно, скучно в своей семье. Пьет он очень... ¹¹³

8 декабря. Прочел Гарина, как советовал Чехов ¹¹⁴. Гарин — большой писатель, умеющий производить очень сильное впечатление. <...>

1904.

1 января. Чехов уговаривал совсем оставить дневник, но это трудно. Пишешь и точно делишься с кем. Суррогат облегчения.

3 января. Сегодня получил письмо от милого моего А. П. Чехова, пишет, что в «Курьере» есть рецензия от 29 декабря ¹¹⁵.

17 января. Именины Чехова, и сегодня же идет в Москве в первый раз его «Вишневый сад».

18 января. Вчера вечером я послал Чехову телеграмму, хоть вспомнит обо мне.

21 января. После обеда пришла газета московская. Прочел о «Вишневом саде». Успех средний. Надо полагать, «Вишневый сад» слишком художественное произведение и даже слишком от души писано, а там — «Москва».

25 января. Вчера я много говорил с Шапошниковым и еще раз не мог себе ответить на вопрос, что может быть общего у этого чиновника с милым, широко мыслящим А. П. Чеховым.

25 марта. Сегодня день, полный впечатлений, вернее, полный писем... От Чехова со всякими хорошими пожеланиями ¹¹⁶. <...>

5 июля. Сейчас телеграмма, что умер Антон Павлович Чехов, и точно половину и моей жизни оторвали...

Это более чем страшно...

7 июля. Чехов не идет из головы. Природа перехитрила его прозорливости, я уверен, что он ждал смерти от кровоизлияния гортани, от слабости и т. д., а она его — раз и готово. Кажется мне почему-то, что смерть его была похожа на смерть Коврина в «Черном монахе». Я непременно напишу большую статью «Чехов в жизни» и начну ее приблизительно так: «Уже много лет подряд я веду свой дневник и самым ценным для других и самым дорогим для себя я считаю в нем те записи, в которых говорится о моих встречах и разговорах с А. П. Чеховым. Как о художнике я редко записывал свои мысли о нем. Эти мысли всегда были для меня вне сомнений, и рассуждать на тему об этом не было нужно. Скажу только,

что это был писатель огромной, необычайной способности понимать причины всего происходящего вокруг него, отсюда и его всеобъемлющий объективизм. Кто все понимает, тот не может сердиться, потому что все понять — значит и все простить. Часто на губах у него подолгу не сходила улыбка, когда он слышал длинные разговоры и даже споры вокруг себя. Я убежден, что улыбка эта как бы говорила: «Ах, как смешно, кто прав, а кто не прав, и возражать совсем бесполезно, как лечить глухонемого...»

Нужно еще будет там упомянуть о том, как осел Лозангрин иногда пытался лягнуть полубога, и не по убеждению, а за то, что тот как-то, в Ялте, осадил его холодом, который этот болван принял за высокомерие ¹¹⁷. А у Чехова тогда был непрерывный понос и шла горлом кровь.

11 июля. Сегодня уже есть телеграмма о похоронах Чехова. Никак не могу представить себе его смерти, так как жив он для меня и всегда будет жить <...>

Вспомнились два факта: один — как князь Долгорукий сказал, что «Вишневый сад» произвел на него впечатление, как гибель четырех «Петропавловсков» ¹¹⁸ <...>. Затем, что 7 июля моему некрологу не хватило места (о Чехове), потому что нужно было поместить телеграмму Рейтера что ли? <...>

12 августа. Закончил достаточно оригинальную статью «Мысли о смерти Чехова» ¹¹⁹. Но вряд ли современным людям втолкуешь, кто был Чехов и что он сделал.

1905

12 июля. Я все думаю о тех, которые вопили о недостатке гражданственности у Чехова. Ах, слепые! Да он сделал в тысячу раз больше, чем все те, которые подделываются под Горького.

13 октября. Вспомнил я, что рассказывал мне М. П. Чехов о матросе. Чехов поминал не военного матроса, когда умирал, а сына Александра Павловича ¹²⁰. Показывал мне еще Михаил Павлович замечательную библиографическую редкость — кусочек ненапечатанной пьесы А. П. Чехова. Действие происходит в церкви... идет венчание. Все молитвы целиком. В конце врывается любовница... ¹²¹

1906

31 января. Вспоминаю вчерашний свой разговор с В. Г. Короленко о Чехове.

— Я часто спорил с покойным Михайловским относительно выписывания Чеховым деталей, мы расходились с ним в этом. Он часто бывал неправым ¹²². <...>

1907

5 мая. После обеда я зашел к Книппер. Постарела она. Ум гибкий, как у Каменского. Заговорили об Л. Андрееве. Книпперша рассказала следующее:

— Как-то я сидела на диване, а Антон читал на веранде. Потом входит с книгой («Василий Фивейский») ¹²³, подсел ко мне и говорит: «Знаешь, дуся, как я сейчас напугался, ужас как страшно стало», — а у самого выражение лица хитрое такое, веселое, и глаз один прищурился.

4 июля. Далеко Андрееву до Чехова — душа пошире была у Антона Павловича...

5 июля. Я получил от Леонида Андреева с возвращением «Нравственности» письмо. Вот, переписываю его целиком:

«Простите, что «Борис» знаю, а как дальше — не ведаю. И то, что вчера не послал рукописи, — был занят слуга.

Мне рассказ ваш не понравился прежде всего потому, что по форме, духу и содержанию (*sic* — мое) он очень, слишком напоминает Чехова. И отсюда его неправдивость, ибо то, что было правдою в чеховские дни, теперь стало неправдою. Того же глубокого и большого, что делает Чехова правдивым для всех дней прошедших, настоящих и будущих, — того в вашем рассказе нет. И отсюда, при полной внешней литературности рассказа — он скучен. Не посетуйте на меня за прямоту, но хвалить в литературе то, что не нравится, я считаю очень дурным и очень вредным и для литературы, и для литераторов.

Ваш Леонид А н д р е е в»

Все письмо умно, но... «то, что было правдою в чеховские дни, теперь стало неправдою», — этого я уразуметь не могу, ибо сущность правды в ее вечности. <...>

15 августа. Один из последних дней в Куоккала! <...> Поехал к Андрееву <...> Как-то так случилось, что мы прежде всего заговорили об Арцыбашеве, собственно об его статье о Чехове¹²⁴.

«Чехов умер вовремя». С этой фразой мне трудно было помириться. Может, Арцыбашев и прав, но это жестокая правота! Андреев же прямо возмутился.

— Он <Арцыбашев> знает это, что Чехов ничего больше в эту эпоху не создал бы? Он это знает?..

— Мне кажется и казалось, что вы не любите Чехова.

— Нет, очень люблю и, пожалуй, даже больше всех из новейшей литературы.

На душе у меня стало веселее, и к Андрееву сердце уже не задерживалось враждебно.

1908

2 июня. В четыре часа мы уехали в Москву и остановились у дочери Сергеевко, Марины Петровны Сергеевко <...> Оказывается, что она была любимицей Чехова, который даже осматривал ее и лечил. Рассказывала она, что за 1/2 часа до своего венчания Чехов сидел в Большом Московском трактире с приятелями и говорил:

— Какие дураки те, которые женятся, да еще на артистках. — Потом вынул часы, поглядел и добавил:

— Мне нужно по делу.

Прощался, поехал и повенчался с Книппер.

1910

16 января. Мария Павловна повела меня в свою комнату и с восторгом показывала мне многое множество писем Антона Павловича Чехова к ней — это целых два тома, — и вообще к семье, с Сахалина и более раннего периода. Ее лицо сияло, морщинки казались лучами солнца.

Затем она показала мне письма к Чехову, его рукой рассортированные по алфавиту, в том числе и мои: «Лазаревский Борис». Кто-то и когда будет их читать?

17 января. Именины Антона Павловича Чехова. Это были действительно именины всей Москвы и всей России. Я попал на Новодевичье кладбище вовремя. Возле могилы только что началась панихида. Стояли Книппер, Мария Павловна и Иван Павлович — совсем Антон Павлович издали, да и вблизи. <...>

18 февраля. Обедал у добрейшего библиографа Петра Васильевича Быкова, принимали меня там, как знаменитость: пять блюд, все барышни приоделись, осветили всю квартиру.

Старуха Быкова рассказывала, как у них обедал Чехов и когда пришел, то Петра Васильевича дома не было и лампы не были зажжены.

Рассказывал Быков, что Чехов в этот день произнес фразу:

— Ей богу же, я ни одного из своих рассказов не выдумал, а брал их из жизни¹²⁵.

9 июня. Последний день в Ялте долго не забудется <...> Мы с Всевой поехали попрощаться с Чеховыми. Мария Павловна была как-то особенно ласкова и внимательна. Мы долго сидели с ней в кабинете А. П. и в его спальне. Хорошо говорилось.

Поразило одно меня — Мария Павловна сказала, что Антон Павлович часто влюблялся <...>

Еще и еще говорили о письмах Антона Павловича.

ПРИМЕЧАНИЯ *

¹ 26 августа 1899 г. в сева­сто­поль­ской газете «Крымский вестник» появилась анонимная рецензия на первую книгу Лазаревского («Забытые люди. Очерки и рассказы». Одесса, 1899): «Внешний вид ее весьма недурен, но далеко нельзя сказать того же о ее внутреннем содержании <...> шаблонные темы, скучные герои, еще более шаблонные описания». В тот же день Лазаревский послал свою книгу Чехову и написал ему первое письмо:

«Глубокоуважаемый Антон Павлович!

Сегодня я послал вам книжку своих рассказов, этим мне хотелось хоть как-нибудь выразить и любовь и доверие, которые всегда чувствую к вам.

Может, я поступил бестактно, так как не знаком с вами и рассказы-то мои неважные. Но мне так хотелось, чтобы вы прочли, особенно после сегодняшней заметки в «Крымском вестнике», № 220. Заметка, может, написана пропорционально достоинству рассказов, только видно, что г. критик или не читал их или читал очень плохо, так как нигде никакого начальника станции я не выводил, нет в моих рассказах и чахоточного офицера. А что о паровозных машинистах не думают и почти не пишут, так это правда, а делают они много и спасают от смерти многих, иногда и не подозревающих о ее близости людей. Зачем г. критик заканчивает свою заметку нелепыми стихами «У попа была собака», — я не знаю.

Но на душе тяжело ужасно.

Дорогой Антон Павлович, скажите мне, как добрый и честный человек, права ли редакция «Крымского вестника» с г. Спи­ро во главе, говоря, что все рассказы можно свести к вышеупомянутой песенке, которую ни один студент, вероятно, не пел?!.. Что делать? Неужели не писать ничего, что иногда так волнует?.. Думаю, что вы ответите мне.

Пишу по адресу вашему прошлогоднему, не зная точно настоящего.

Всегда любящий и уважающий вас

Бор. Л а з а р е в с к и й

18-²⁶
VIII 99 г.»

² На эту мысль Чехова натолкнуло содержание рассказов «Депо» и «Сходство». Летом 1896 г. Лазаревский-студент действительно служил на железной дороге помощником машиниста.

³ Белов, Кубович — персонажи рассказа «Депо».

⁴ Сергей Васильевич Максимов (1831—1901) — писатель-этнограф; в сентябре 1899 г. находился в Ялте. Возможно, что Чехов говорил не об адресе, а об адресах для рассылок воззвания о помощи туберкулезным больным (см. примеч. 14).

⁵ О Мустафе см. письмо Чехова М. П. Чеховой от 10 февраля 1899 г. (ПССП, т. XVIII, с. 75).

⁶ 29 сентября 1899 г. Чехов писал Лазаревскому: «...у меня стучат плотники, очень шумно, писать негде, и я поневоле должен быть краток» (ПССП, т. XVIII, с. 233). Фотография с надписью Чехова Лазаревскому неизвестна.

⁷ В этом письме (на первой странице его нарисована вивьетка — украинский деревенский пейзаж) Лазаревский писал: «Много думаю и о вас, почему я вас так люблю... Знаете как — так, как Катя в вашей «Скучной истории» любила профессора того. <...> всякое мое письмо к вам портится боязнью: 1) на­мно­го­сло­вить и 2) по­ка­зать­ся в ваших глазах смешным. А кратким быть трудно, так как нет почти явления, видя

* В дневнике встречаются имена знакомых, сослуживцев и родственников Лазаревского — сведения о них не даются.

которое, я не думаю: а как бы его нарисовал Чехов? Симпатично ли оно ему или нет? <...> Все, что вы говорили со мной, для меня интересно и ценно, но я до сих пор не могу согласиться с одной вашей фразой, что рассказы «нужно как блины делать», но сказали вы это с улыбкой...»

⁸ Начальница Ялтинской женской гимназии Варвара Константиновна Харкеевич (? — 1932). Фотографию Чехова, подаренную ей, см. наст. том, с. 302.

⁹ Река Истра в Бабкине, где Чехов жил летом в 1885—1887 гг.

¹⁰ Акварель И. Н. Потапенко «Вид из окна».

¹¹ Карикатура художницы А. А. Хотяинцевой, изобразившей себя на этюдах.

¹² Лазаревский ошибся — это был этюд П. А. Сергеевко «Хутор». Историю его появления в кабинете Чехова см.: «Дом-музей А. П. Чехова в Ялте». М., 1937, с. 69—70.

¹³ «Панама» — шумевший судебный процесс во Франции (1892—1893), возникший в связи с крахом акционерного общества, основанного для сооружения Панамского канала. В 1899 г. интерес к этому делу возродился в связи с энергичными мерами, предпринятыми США с целью монополизировать права на будущий канал и форсировать его постройку.

¹⁴ Чехов рассылал сочиненное им и отпечатанное в типографии воззвание, в котором призывал к сбору средств на постройку санатория для приезжающих в Ялту туберкулезных больных (не только для «людей искусства», а для всех нуждающихся).

¹⁵ Чехов смотрел водевиль «Медведь» в Воронежском театре 3 февраля 1892 г. При переиздании водевиля (А. П. Чехов. Пьесы. СПб., изд. А. С. Суворина, 1897) он в четырех местах снял слово «турнир», но выражение «турнирная логика» осталось в этом и в более поздних изданиях.

¹⁶ В 1899 г. вышла книга Л. Мельшина (П. Ф. Якубовича) «В мире отверженных. Записки бывшего каторжника», т. 1 (2-е изд.) и т. 2. Ср. оценку Мельшина в письме Чехова к Л. А. Авиловой от 9 марта 1899 г.: «...это большой, не оцененный писатель, умный, сильный писатель, хотя, быть может, и не напишет больше того, что уже написал» (ПССП, т. XVIII, с. 107). В 1896 г. Чехов послал Мельшину, находившемуся на поселении в Кургане, свою книгу «Остров Сахалин» с надписью: «Петру Филипповичу Якубовичу от его почитателя, искреннего друга его симпатичной книги Антона Чехова. 96 21/XI (ЛН, т. 68, с. 292). В ответ Якубович послал Чехову книгу «В мире отверженных» (т. 1, СПб., 1896) с надписью: «Уважаемому писателю Антону Павловичу Чехову, в знак искренней признательности за сердечный и ободряющий привет от автора» (сб. «Чехов и его среда», Л., «Academia», 1930, с. 359). 19 ноября 1898 г. Якубович послал Чехову второй том своей книги с краткой надписью (там же).

¹⁷ Как следует из приведенной фразы, это был рассказ «В овраге» («Жизнь», 1900, № 1). Лазаревский не понял Чехова, думая, что речь идет о двух рассказах.

¹⁸ Л. Н. Толстой тяжело заболел 21 ноября 1899 г. в Москве. В конце месяца здоровье его улучшилось, но Чехов не знал об этом (см. его письмо к М. П. Чеховой от 1 декабря 1899 г. — ПССП, т. XVIII, с. 274).

¹⁹ С адвокатом Николаем Платоновичем Карабчевским (1851—1925) Чехов встречался в Москве и в Ялте.

²⁰ Об отношении Чехова к делу Дрейфуса и к выступлению в его защиту Эмиля Золя см. наст. том, с. 317, прим. 65.

²¹ И. И. Левитан был у Чехова с 24 декабря 1899 г. до 5 января 1900 г. О пейзаже, написанном им на камине ялтинского кабинета, Чехов писал О. Л. Книппер 2 января (ПССП, т. XVIII, с. 293).

²² Вероятно, повесть «На уроке» (см. примеч. 28).

²³ Этот оттиск из РМ (1899, № 12) неизвестен.

²⁴ В тот же день, 5 января 1900 г., Лазаревский писал Чехову об этом чтении: «Читали поочередно, чтобы не устать. Я думал, что слушателям, помощникам капитана, не понравится. Понравилось, и поняли, хорошо поняли, что хотя этого, может, и не было, но это правда <...> Когда я кончил читать, помолчали, потом еще раз сказали, что это сама жизнь, и рассказали несколько случаев. И хорошо стало мне среди этих мало знакомых людей».

²⁵ В дневник вклеена вырезка со статьей: «О г. Потапенко и г. Буренине» (по поводу появившейся в «Новом времени» статьи Буренина, в которой он нападает на Потапенку за его новую повесть «Встреча»).

²⁶ Это письмо Чехова к И. Н. Потапенко неизвестно.

²⁷ С 7 по 13 января 1900 г. Лазаревский производил в Батуме следствие по делу о гибели «шести нижних чинов» на канонерской лодке «Уралец».

²⁸ Письмо от 30 января 1900 г. (ПССП, т. XVIII, с. 320). О повести «На уроке» Чехов написал В. А. Поссе, редактору журнала «Жизнь», 5 февраля (там же, с. 325). Как видно из письма Лазаревского к Чехову от 23 февраля 1900 г., повесть была ему возвращена.

²⁹ Письмо от 26 февраля 1900 г. Оно вклеено в дневник Лазаревского; большая часть первого листа вырезана и остается неизвестной (не хватает именно «подробного анализа техники»). Впервые было напечатано (по копии, без указания на недостающую

часть) в *Письмах Чехова* (т. VI) и в том же виде перепечатано в *ПССП*, т. XVIII, с. 341. Лазаревский цитирует слова Чехова неточно. Рассказ «Машинист» был впервые опубликован в сборнике Лазаревского «Повести и рассказы» (М., 1903).

³⁰ Письмо от 2 апреля 1900 г. (*ПССП*, т. XVIII, с. 359).

³¹ Чехов приехал в Севастополь на гастроли Московского Художественного театра 10 апреля 1900 г. В этот день ставили «Дядю Ваню». «Первый акт был принят холодно. К концу успех вырос в большую овалцию. Требовали автора. Он был в отчаянии, но все же вышел» (К. С. Станиславский. Собр. соч., М., 1958, с. 341).

³² М. Ф. Андреева (Желябужская) исполняла в «Одиноких» роль Кэт, В. Э. Мейерхольд — роль Иоганна Фокерата.

³³ О. Л. Книппер исполняла роль Анны Мар.

³⁴ Адрес артиста Художественного театра от севастопольской публики был поднесен 13 апреля 1900 г. (ныне хранится в Музее МХАТ).

³⁵ По-видимому, рассказ «Машинист» (см. примеч. 29).

³⁶ Был ли окончен рассказ «Калека», неизвестно. Сохранилось только его начало в черновой недатированной рукописи (ГБЛ, ф. 331, л. 1.7). Этот рассказ Чехов хотел дать в «Неделю» или в «Книжки Недели». 12 августа 1900 г. ему писал редактор этих изданий М. О. Меньшиков: «Что с «Калекой»? Жду не дожидусь, уже начинаю тревожиться»; 1 сентября он запрашивал Чехова об этом рассказе телеграммой, а 13 сентября просил «написать хоть кратко, в каком положении рассказ» (ГБЛ, ф. 331, л. 51.55). 17 сентября Чехов ответил: «...все сие время, то есть почти весь сентябрь, я был нездоров и ничего не делал (...) Вам пришлю, тшущ прислать повесть и пришлю к ноябрю» (*ПССП*, т. XVIII, с. 394). Рассказ к этому времени не был готов, а 20 марта 1901 г. Меньшиков сообщил Чехову, что издание «Недели» прекращается.

³⁷ В первый раз М. П. Чехова пыталась попасть в Училище живописи, ваяния и зодчества, вероятно, в 1883 г. Позднее, в конце 1890-х годов она занималась в вечернем классе Строгановского училища и в частной студии, в которой преподавали В. А. Серов и К. А. Коровин.

³⁸ Французский писатель Селин сообщал: «Из того, что рассказывал покойный Борис Александрович <Лазаревский> о Чехове, вспоминаются некоторые мелочи. Как-то при Чехове говорили о разных супружеских парах. Такие-то живут хорошо, такие-то сорятся, эти несчастливы, те счастливы... Чехов задумчиво заметил:

— Ничего нельзя знать... Счастливы ли муж и жена, известно только им да господам богу. Больше никому» («Последние новости». Париж, 1936, 1 октября).

³⁹ В дневник вклеено письмо: «Милостивый государь! Лев Николаевич благодарит вас за присылку вашей книги и считает ее написанной хорошо. На вопрос же ваш относительно издания еще двух рассказов, по его словам, можете ответить только вы сами. С. С. Ясная поляна. Июнь 1900 г.»

⁴⁰ Письмо от 29 августа 1900 г.

⁴¹ Это письмо Чехова неизвестно.

⁴² Этот слух был ложным — см. примеч. 45.

⁴³ Письмо от 24 ноября 1900 г.

⁴⁴ «Собрание сочинений Г. Мопассана (в трех томах)», т. III. Перевод с французского П. Д. Доброславина. Вступ. статья Рене Душана. Киев, 1900.

⁴⁵ В дневник вклеена газетная вырезка — сообщение о состоявшейся в Москве 25 мая 1901 г. свадьбе А. П. Чехова и О. Л. Книппер.

⁴⁶ Это письмо, от 14 июня 1901 г. из Аксенова Уфимской губ., см.: *ПССП*, т. XIX, с. 102. О деле Рошаковского см. примеч. 54.

⁴⁷ О. Л. Книппер пробыла в Ялте с 9 июля до 20 августа 1901 г., Чехов провожал ее до Севастополя.

⁴⁸ Фанни Карловна Татаринова (1863—1923) в 1901 г. издавала газету «Ялтинский листок».

⁴⁹ С писательницей Лидией Алексеевной Авиловой (1864—1943) Чехов познакомился в 1889 г. Ее воспоминания («А. П. Чехов в моей жизни») см.: «Чехов в воспоминаниях современников». М., 1960.

⁵⁰ Военный доктор — А. С. Шишков. В этот день, на пароходе «Св. Николай» Чехов подарил ему свои «Рассказы» (СПб., 1901) с надписью: «Александр Семеновичу Шишкову на добрую память о нашей встрече на пароходе «Николай», 21 августа 1901 г. в Севастополе и Ялте. Антон Чехов» (*ЛН*, т. 68, с. 291).

⁵¹ К. А. Яковлев — сотрудник газеты «Ялтинский листок», позднее зять Ф. К. Татариновой.

⁵² Григорий Александрович Мачтет (р. 1852) умер в Ялте 14 августа 1901 г.

⁵³ Это была, по-видимому, запоздавшая корректура рассказа «Хорошие люди» — не для V, а для VI тома «Полного собрания сочинений» Чехова, изд. А. Ф. Маркса.

⁵⁴ Дело лейтенанта Рошаковского слушалось в Севастопольском военно-морском суде в мае 1901 г. Рошаковский, плававший в должности ревизора на минном транспорте «Буг», заявил, что у него похищены казенные деньги, которые он хранил в своей каюте. Виновный не был обнаружен. Рошаковский высказал подозрение, что в краже повинен мичман Иловайский. Возмущенный Иловайский ударил его по лицу. Дело

кончилось дуэлью, на которой Иловайский был убит. Чехов интересовался этой историей, потому что хорошо знал семью Иловайских: он познакомился с ними в Воронеже в 1892 г.; позднее Иловайские переехали в Ялту, и в 1898 г. Чехов жил у них на квартире. Несколько писем его к К. М. Иловайской обнаружено в Лондоне в 1965 г. (см.: «Книга», вып. 13. М., 1966).

⁵⁵ Писатель Влас Михайлович *Дорошевич* (1864—1922) весной 1897 г. ездил на Сахалин. В конце 1897 г. в «Одесском листке» печатались его сахалинские очерки. Отдельное издание их — «Сахалин. (Каторга)», ч. I—II. М., 1903. В одном из очерков Дорошевич сообщил, на основании рассказов каторжан, о неблагоприятной деятельности смотрителя дуйской тюрьмы А. С. Фельдмана. Фельдман, живший с 1891 г. в Херсоне, объявил это сообщение клеветой («Новороссийский телеграф», 1897, № 7321, 2 декабря). Началось судебное дело, которое длилось несколько лет и закончилось оправданием Дорошевича. Дорошевич обращался к Чехову с просьбой выступить свидетелем на суде не только в августе 1901 г., но и ранее — в апреле 1900 г., однако Чехов от участия в судебном разбирательстве уклонился (*ЛН*, т. 68, с. 231).

⁵⁶ 2 сентября 1901 г. в зале ялтинского Общественного собрания состоялся спектакль труппы П. Н. Орленева. Поставлены были четыре картины по роману Достоевского «Братья Карамазовы» (инсценировка К. Д. Дмитриева). Орленев исполнял роль Мити, А. А. Назимова — Грушеньки, В. М. Бежин — Алеши. Анонимная рецензия Лазаревского на этот спектакль напечатана в газ. «Ялтинский листок», 1901, № 88, 5 сентября.

⁵⁷ Александр Константинович *Шапошников*, служащий Севастопольского банка, — знакомый Чехова.

⁵⁸ Виктор Сергеевич *Миролюбов* (1860—1939) — издатель «Журнала для всех», выходившего в Петербурге в 1896—1906 гг.

⁵⁹ Ростислав Иванович *Сементковский* (1846—1918) — редактор (до ноября 1904 г.) журнала «Нива» и «Ежемесячных литературных приложений» к нему.

⁶⁰ Письмо от 23 сентября 1901 г.

⁶¹ «Рассказ неизвестного человека». — А. П. Чехов. Полн. собр. соч., т. VI, СПб., изд. А. Ф. Маркса, 1901.

⁶² 22 ноября 1901 г. в зале ялтинского Общественного собрания шел спектакль «Три сестры» в исполнении труппы Московского товарищества русских драматических артистов под управлением И. А. Добровольцева. Об этом спектакле Чехов писал О. Л. Книппер 24 ноября: «Здесь, в Ялте, шли «Три сестры» — отвратительно! Офицеры были с полицейскими погонами. Мама говорила хриплым голосом. Сбор был полный, но публика ругала пьесу отчаянно» (*ПССП*, т. XIX, с. 175).

⁶³ 7 мая 1902 г. Чехов писал К. Д. Бальмонту: «Вы знаете, я люблю ваш талант и каждая ваша книжка доставляет мне немало удовольствия и волнения» (*ПССП*, т. XIX, с. 281).

⁶⁴ Александр Матвеевич *Лазаревский* (1834—1907) — украинский историк. См. о нем: Брокгауз — Ефрон. Энциклопедический словарь, п/т 33.

⁶⁵ Рассказ «Огни» впервые напечатан в журнале «Северный вестник» (1888, № 6). В Полное собрание сочинений Чехов его не включил.

⁶⁶ Иван Алексеевич *Белогоус* (1863—1929) — поэт, переводчик Шевченко, член «Среды». См. о нем: Н. Д. Телешов. Записки писателя. М., 1958 (глава «Портной Белоусов и профессор Грузинский»).

⁶⁷ В письмах к Л. А. Авиловой Чехов часто называл ее «матушкой».

⁶⁸ Редактор «Русской мысли» Виктор Александрович *Гольцев* (1850—1906), юрист по образованию, вел в своем журнале отдел «политического обозрения». Ему принадлежит ряд книг по истории государственного права, а также по вопросам литературы и искусства. Чехов был с ним в дружеских отношениях, высоко ценил его эрудицию юриста, но к литературным взглядам Гольцева относился весьма скептически (ср.: *ПССП*, т. XIV, с. 62, 71, 76).

⁶⁹ Очевидно, Чехов имел в виду первую книгу А. И. Куприна «Миниатюры (Очерки и рассказы)». Киев, 1897. Автор подарил ее Чехову с надписью «Глубокоуважаемому Антону Павловичу Чехову с чувством большой робости автор. Одесса, 1901, 13 февраля» (сб. «Чехов и его среда», Л., «Academia», 1930, с. 246).

⁷⁰ Лозингрин — псевдоним одесского журналиста Петра Титовича *Герцо-Виноградского* (1867—1921), сотрудника газет «Южное обозрение» и «Одесские новости». Однако в этот раз к Чехову презжал, вероятно, не он, а заведующий редакцией «Южного обозрения» Изгоев (А. С. Ланде); 13 декабря 1901 г. он писал Чехову: «10 декабря в седьмом часу вечера, возвращаясь от Горького из Олениза, я заехал к вам, но ваша прислуга так убедительно заявила мне, что «Антон Павлович, ей-богу, болен, лежит в постели, что у меня не хватило духу настаивать и я уехал, не оставив карточки» (ГБЛ, ф. 331.40.50).

⁷¹ В рождественском номере «Южного обозрения» (1901, № 1691, 25 декабря), в объявлении о подписке было помещено пять портретов писателей — будущих сотрудников «Южного обозрения». В их числе были Чехов и Горький. Сообщение о согласии Чехова сотрудничать в этой газете было опубликовано только 8 января (№ 1701): «А. П. Чехов изъявил свое согласие принять участие в «Южном обозрении» и обещал

в непродолжительном времени прислать свой рассказ». Однако рассказы его в этой газете не появились.

⁷² Это были, по-видимому, не совсем точно понятые слова Чехова о «синдикате частных газет», о котором Изгоев писал ему 13 декабря 1902 г.: «...наша редакция поручила мне пригласить вас хоть изредка сотрудничать в «Южном обозрении» <...>, меня обнадёживают два обстоятельства: 1) Владимир Галактионович Короленко и М. Горький <...> обещали фактическое сотрудничество. Алексей Максимович Пешков, вероятно, сообщал вам о своеобразном «синдикате частных газет» Поволжья, решившихся совместно печатать в один и тот же день произведения крупных писателей. При помощи этого соглашения сразу достигается несколько целей: 1) произведения писателей находят сразу большую демократическую аудиторию, по численности значительно превышающую журнальную; 2) при необременительности гонорара для каждого издания в отдельности, в общем, однако, получается сумма, достаточная для оплаты произведений известных писателей; 3) участие крупных имен в газетах идейных дает им возможность бороться с коммерческими спекулятивными изданиями, которых немало и в провинции. <...> «Южное обозрение» решило примкнуть к поволжскому союзу. Предлагаю поэтому сотрудничество вам у нас, мы вместе с тем предлагаем сотрудничество в целом ряде изданий, участие в которых, во всяком случае, не может быть для вас компрометирующим» (ГБЛ, ф. 331. 40.50).

⁷³ 3 января 1902 г. Чехов писал О. Л. Книппер о «мрачном настроении» приехавшего к нему Горького (ПССП, т. XIX, с. 213).

⁷⁴ 29 декабря 1901 г. в «Московских ведомостях» (№ 358) была напечатана статья А. Басаргина (псевд. Ал. И. Введенского) «Циничная проповедь бесстыдства. «Трое» М. Горького. — Рассказы, том V».

⁷⁵ Книга И. П. Миролюбова (псевд. И. П. Ювачева) «Восемь лет на Сахалине» (СПб., изд. А. С. Суворина, 1901). С ее автором, политическим ссыльным, Чехов встречался на Сахалине в 1890 г.

⁷⁶ О том же Чехов писал П. А. Сергеенко 29 декабря 1901 г. (ПССП, т. XIX, с. 208).

⁷⁷ Ф. К. Татаринова ставила «Лес» Островского. Это был любительский спектакль в пользу Ялтинского благотворительного общества.

⁷⁸ Леонид Валентинович *Средин* (1860—1909) — ялтинский врач, близкий знакомый Чехова и Горького.

⁷⁹ Письмо от 12 января 1902 г. (ПССП, т. XIX, с. 218).

⁸⁰ Неизвестными остаются дневники Лазаревского с апреля 1902 г. до ноября 1903 г. Записи за январь — ноябрь 1903 г. он пытался восстановить по памяти. В утерянной части дневника был, вероятно, записан разговор с Чеховым об опечатках, о котором Лазаревский сообщил в своих воспоминаниях:

«Я не знаю лично и никогда не слышал ни об одном авторе, на которого бы опечатки производили такое гнетущее впечатление. Все лицо Чехова сразу тускнело, и он начинал ругать и корректора, и типографию, и редакцию. И настроение пропадало надолго.

В предместной, удивительной «Степи», в марксовском издании, Антон Павлович увидал один из таких перлов и ужаснулся.

Священник о. Христофор молился «и намеренно громко, чтоб другие крестились, говорил трижды:

— Аллилуя, аллилуя, аллилуя, слава тебе, боже!

Наконец, он улыбнулся, поглядел вверх на небо и, кладя псалтырь в карман, сказал:

— Finit!»

Так и напечатано. Наборщик и корректор приняли латинское *s* за восклицательный знак, и вышло, что православный священник ни с того, ни с сего после «аллилуя» произнес французское слово, да еще многозначительно, с восклицательным знаком.

Все это обнаружилось уже после того, как книга вышла отпечатанная в огромном количестве экземпляров.

— Точно в меня выстрелили, — рассказывал потом Чехов» (Борис Л а з а р е в с к и й. Сильный человек. — «Новый журнал для всех», 1909, № 9, с. 77—78).

⁸¹ Лазаревский был у Чехова 5 января 1903 г.

⁸² Из книги А. М. Федорова «Стихотворения» (СПб., изд. О. Н. Поповой, 1903), полученной Чеховым от автора с надписью: «Одному из самых любимых моих писателей — Антону Павловичу Чехову от преданного ему всей душой А. Федорова. Одесса, 12 декабря 1902 г.» («Чехов и его среда». Л., «Academica», 1930, с. 303). Это стихотворение Чехов послал О. Л. Книппер в письмо 17 декабря 1902 г. (ПССП, т. XIX, с. 394).

⁸³ В. Э. Мейерхольд ушел из Московского Художественного театра вместе с артистом А. С. Кошеверовым. Они организовали труппу русских драматических артистов, которая в 1902—1904 гг. работала в Херсоне (с 1903 г. называлась «Товарищество русской драмы»). В Севастополе труппа гастролировала с 7 апреля по 6 июня 1903 г.

⁸⁴ Стихотворение К. Д. Бальмонта «Отцвели» в его сборнике «Горящие здания. Лирика современной души». М., 1900.

⁸⁵ «Геншель» и «Потонувший колокол» — драмы Г. Гауптмана.

⁸⁶ Позднее драматург А. К. Гладков записал слова В. Э. Мейерхольда: «Чехов меня любил. Это гордость моей жизни, одно из самых дорогих воспоминаний» (А. Г л а д к о в. Реплики Мейерхольда. — «Театральная жизнь», 1960, № 5, с. 21). Личные и творческие связи Чехова и Мейерхольда прослежены в статье Э. А. Полоцкой «Чехов и Мейерхольд» (*ЛН*, т. 68).

⁸⁷ Спектакль «Мещане», поставленный труппой Мейерхольда, состоялся в присутствии автора, приехавшего в Севастополь, 19 апреля 1903 г.

⁸⁸ Чехов был в Севастополе проездом в Москву 22 апреля 1903 г.

⁸⁹ Пьеса Е. Н. Чирикова «Во дворе во флигеле» была показана труппой Мейерхольда в Севастополе 18 апреля 1903 г.

⁹⁰ Чехов предполагал провести лето 1903 г. в Швейцарии, но по совету профессора Остроумова поселился на даче под Москвой.

⁹¹ Фотография — Чехов и Книппер на крыльце дома в Аксенове (Уфимская губ., 1901); воспроизведена в *ПССП*, т. XIX.

⁹² Герой одноименного рассказа Чехова.

⁹³ Книга Лазаревского «Повести и рассказы» (М., 1903) была послана Чехову 24 июля 1903 г. с надписью: «Я не знаю, что написать вам, дорогой Антон Павлович, но одна мысль, что вы будете читать эти рассказы, — дает большое счастье. 1903.VII. 24» (сб. «Чехов и его среда», с. 248). 28 июля Чехов писал Лазаревскому: «Рассказы однотонные, трудно сказать, какой из них лучше, но если долго выбирать, как выбирают, например, папу (римского), то я остановился бы на «Докторе» <...» (*ПССП*, т. XX, с. 121).

⁹⁴ Вероятно, это было вызвано тем, что О. Л. Книппер знала, как посещения Лазаревского утомляли Чехова. 21 ноября 1901 г. Чехов писал ей: «Каждый день что-нибудь мешает жить и писать; сегодня, например, с утра явился Лазаревский (писатель в морской форме) и сидит, сидит, мучительно сидит, и неизвестно, когда его унесет нелегкая; на другой день снова: «Сегодня нет письма от тебя, радость моя. Поэтому я не в духе. И оттого, что опять был Лазаревский» (*ПССП*, т. XIX, с. 173, 174). Книппер писала Чехову 25 ноября 1901 г.: «Гони скучных людей, вроде Лазаревского» («Переписка А. П. Чехова с О. Л. Книппер», т. II. М., 1936, с. 101).

⁹⁵ Некоторую перемену в отношении к нему Чехова заметил и Мейерхольд. 1 сентября 1903 г. он писал ему: «Дорогой Антон Павлович! Мне кажется, что вы за что-то сердитесь на меня. Скажите откровенно. Почему так кажется? Вот вы ответили Лазаревскому на наше послание (фотографическая карточка), а мне ни строчки. Мне очень больно. <...» (*ЛН*, т. 68, с. 445). Ответ Чехова на это письмо неизвестен. Но уже 23 сентября Мейерхольд писал ему: «Я так рад, что вы не сердитесь. Простите, что я высказал вам свое подозрение» (там же, с. 446).

⁹⁶ Это были, вероятно, портреты молодого Чехова, написанные И. И. Левитаном и Н. П. Чеховым (ныне находятся в Доме-музее А. П. Чехова в Москве). Большое сходство молодого Чехова с А. Г. Рубинштейном отмечал также А. С. Лазарев-Грузинский в письме к Н. М. Ежову от 13 февраля 1888 г. (ЦГАЛИ, ф. 189, оп. 1, ед. хр. 7).

⁹⁷ Рассказ «Винт» (в первой публикации назывался «Новинка (вниманию гг. винтеров)». — «Осколки», 1884, № 39, 29 сентября) был написан в начале сентября 1884 г. И. П. Чехов вспоминает, как, приехав из Воскресенска, рассказывал, что в их уезде все играют в винт: «Антон Павлович заинтересовался. Кому-то пришла фантазия масти назвать министерствами. А. П. сел за стол и написал рассказ. Но Лейкин рассказ возвратил: нецензурно. Пришлось переделать и масти назвать казенной палатой, губернским правлением и т. п. В таком виде рассказ прошел» («Русское слово», 1910, № 13, 17 января).

⁹⁸ Лев Львович — сын Л. Н. Толстого.

⁹⁹ Л. Н. Толстой смотрел в Художественном театре «Дядю Ваню» 24 января 1900 г. Об этом вспоминает А. А. Санин в письме к Чехову от 12 марта 1900 г. (*ЛН*, т. 68, с. 873).

¹⁰⁰ 25 мая 1903 г. сын Толстого Илья Львович писал Чехову, что Лев Николаевич отметил и разделил его рассказы «на два сорта». К первому сорту отнесены: «Детвора», «Хористка», «Драма», «Дома», «Тоска», «Беглец», «В суде», «Ванька», «Дамы», «Злоумышленник», «Мальчишки», «Темнота», «Спать хочется», «Супруга», «Душечка». Ко второму сорту — «Беззаконие», «Горе», «Ведьма», «Верочка», «На чужбине», «Кухарка женится», «Кавитель», «Переполюх», «Ну, публика», «Маска», «Женское счастье», «Нервы», «Свадьба», «Беззащитное существо», «Бабы» (ГБЛ, ф. 331. 60.45).

¹⁰¹ В письме к Чехову от 5 сентября 1903 г. и затем в своих воспоминаниях Лазаревский передал этот отзыв Толстого в иной редакции: «Чехов — это Пушкин в прозе; 20 октября 1904 г. он писал В. С. Миролюбову: «Когда в сентябре 1903 г. я был в Ясной Поляне, то Л. Н. сказал мне о Чехове так: «Чехов — это Пушкин в прозе» (ИРЛИ, ф. 185, № 700). Вал. Сперанский также вспоминает слова Толстого: «Талант Чехова я ставлю гораздо выше собственного. Только Чехов создал новый, собственный тип письма. Чехов умеет одним словом выразить то, что другие не скажут и целыми страницами. Чехов — это Пушкин нашей прозы» («Речь», 1915, № 307, 7 ноября). 3 сентября 1903 г., в день пребывания Лазаревского в Ясной Поляне, Толстой записал в дневни-

ке: «Разговаривая о Чехове с Лазаревским, уясни себе, что он, как Пушкин, двинул вперед форму. И это — большая заслуга. Содержания же, как у Пушкина, нет» (Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч. в 90 томах, т. 54. М., 1959, с. 191).

¹⁰² В этот же день Чехов писал О. Л. Книппер: «Только что меня позвали к телефону: говорил Лазаревский из Севастополя; сообщил, что вечером придет ко мне, пожалуй, останется ночевать, и опять я буду злиться» (ПССП, т. XX, с. 188).

¹⁰³ Вероятно, ялтинский священник С. Н. Щукин, с которым Чехов был близко знаком.

¹⁰⁴ Рецензию Н. П. Ашешова на книгу Лазаревского «Повести и рассказы» (М., 1903) см.: «Образование», 1903, № 10.

¹⁰⁵ В газ. «Елисаветградские новости» (1903, № 4, 18 ноября) напечатана статья Лазаревского «О направлении в творчестве Чехова». Автор защищал Чехова от рецензентов, упрекавших его в объективизме. «После прочтения этой мимолетней полемики, — писал он, — нам стало чрезвычайно грустно за судьбу русского писателя-художника вообще. Непонятной показалась и цель всех этих статей <...>. Разве из сотен его рассказов не достаточно ясно, что для Чехова дороже всего правда о русской жизни, которую он выводит на божий свет».

¹⁰⁶ Тереза Эмбер, которой будто бы было завещано многомиллионное наследство американца Крауфорда, получала в долг громадные суммы, которыми пользовались всякого рода темные дельцы. Когда выяснилось, что никакого наследства не существует и что в сейфе, где будто бы хранились миллионы Крауфорда, находится газетная бумага, а сам Крауфорд — мифическое лицо, Тереза и ее муж (сын бывшего министра юстиции Франции) бежали от предстоящего суда в Испанию. В конце 1902 г. они были арестованы и присуждены к пяти годам тюрьмы. Тереза Эмбер вела себя и до ареста и на суде так, что многие считали ее невинной жертвой клеветы.

¹⁰⁷ Об этом посещении Чехов писал О. Л. Книппер 23 ноября 1903 г. (ПССП, т. XX, с. 190).

¹⁰⁸ О каком рассказе вспоминал здесь Чехов, неизвестно. Лазаревский, по-видимому, ошибся, назвав редактором Немировича-Данченко: ни к Василию Ивановичу, ни к Владимиру Ивановичу эта запись не может относиться.

¹⁰⁹ Это письмо Вс. Э. Мейерхольда от 16 ноября 1903 г. см.: ЛН, т. 68, с. 446.

¹¹⁰ Поэт-крестьянин В. Д. Ляпунов лечился в Ялте от туберкулеза.

¹¹¹ 15 июля 1903 г. отмечалось 50-летие В. Г. Короленко и 25-летие его литературной деятельности.

¹¹² Упомянутые стихотворения Ляпунова в журнале «Образование» напечатаны не были. Л. Н. Толстой послал их 5 апреля 1897 г. в «Русскую мысль», где «Пахарь» был опубликован с его предисловием (1898, № 1). Об отношении Толстого к Ляпунову сообщает С. Т. Семенов: «Лев Николаевич рассказал, как к нему пришел один парень и принес ему стихи. Лев Николаевич, вообще сурово относившийся к стихам, малоприветливо отнесся к нему, но, познакомившись со стихами, он увидел в них глубокое содержание. В одном стихотворении изображались муки пахаря, в другом — жизнь мальчика-сапожника. — Это так хорошо, как у Никитина! — воскликнул Лев Николаевич» («Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников», т. I. М., с. 349). Стихи Ляпунова собраны в книге: «В. Д. Ляпунов — молодой поэт», М., 1912.

¹¹³ Встречи с К. Д. Бальмонтом в Париже могли быть в апреле — мае 1898 г. В письме к Чехову от 25 декабря 1901 г. Бальмонт писал: «Мне хочется сказать вам, что теперь, после наших встреч в Крыму, вы неизмеримо ближе и дороже душе моей, чем после встреч в Париже, хотя я и о них вспоминаю, как о чем-то хорошем» (ГБЛ, ф. 331.36.16).

¹¹⁴ В 1903 г. в издательстве «Знание» начало выходить «Полное собрание сочинений» Н. Г. Гарина (Михайловского). Чехов обратил внимание на этого писателя сразу же после появления его первого произведения «Несколько лет в деревне» (1892). Он писал А. С. Суворину 27 октября 1892 г.: «Прочтите, пожалуйста, в «Русской мысли», март, «Несколько лет в деревне» Гарина. Раньше ничего подобного не было в литературе в этом роде по тону и, пожалуй, искренности. Начало немножко рутинно и конец приподнят, но зато середка — сплошное наслаждение. Так верно, что хоть отбавляй» (ПССП, т. XV, с. 440).

¹¹⁵ Рецензия на «Повести и рассказы» Лазаревского за подписью «М. С.» напечатана в газете «Курьер», 1903, № 300, 29 декабря. В тот же день Чехов сообщил ему об этом (ЛН, т. 68, с. 254).

¹¹⁶ Письмо от 22 февраля 1904 г. (ПССП, т. XX, с. 231—232, текст неполный; полностью — ЛН, т. 68, с. 262).

¹¹⁷ Лозангрин (см. о нем примеч. 70) напечатал воспоминания о своей единственной встрече с Чеховым, состоявшейся 4 мая 1902 г. («Южное обозрение», 1904, № 2540, 4 июля).

¹¹⁸ Возможно, что имеется в виду П. Д. Долгоруков, один из лидеров партии кадетов.

¹¹⁹ Статья напечатана в газете «Владивосток» (1904, № 33) за подписью «Б. Л».

¹²⁰ Берлинский корреспондент «Русских ведомостей» Г. Б. Иоллос писал о последних минутах жизни Чехова: «Прснувшись в 4-м часу ночи, Антон Павлович стал бредить, говорил о каком-то матросе, спрашивал о японцах...» («Русские ведомости»,

1904, № 189, 9 июля). Михаил Павлович Чехов полагал, что он вспомнил своего племянника Николая Александровича, который служил на морском флоте.

¹²¹ «Татьяна Репина» — шуточный эпилог Чехова к одноименной драме А. С. Суворина; написан в 1899 г. Суворин напечатал его в своей типографии в двух экземплярах. Переиздан с предисловием М. П. Чехова (М., ГИХЛ, 1924).

¹²² О том, что Короленко спорил с Михайловским относительно творчества Чехова, узнаем впервые из этой записи Лазаревского. Ни в дневниках Короленко, ни в его письмах к Михайловскому эти споры не отражены. Упрек в «небрежности», которую, с точки зрения Михайловского, Чехов допускал в «деталих», был высказан им в разборе повести «Мужики» («Литература и жизнь». — «Русское богатство», 1897, № 6, с. 117—118).

¹²³ Повесть Л. Н. Андреева «Жизнь Василия Фивейского» напечатана в «Сборнике товарищества «Знание», кн. I (СПб., 1904).

¹²⁴ Статья М. П. Арцыбашева «О смерти Чехова» («Трудовой путь», 1905, № 7).

¹²⁵ Петр Васильевич Быков (1843—1930) — критик и библиограф. Об этой встрече с Чеховым он вспоминал в письме к М. П. Чеховой от 7 апреля 1910 г.: «Антон Павлович как-то, обедая у меня, сказал, что «со временем все его вещи должны увидеть свет и что ему их стыдиться нечего» (ГБЛ, ф. 331.87.58).